Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia

Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia

Markaziy Osiyo Tarixi

Ilmiy-nazariy jurnal

История Центральной Азии

Научно-теоретический журнал

History of Central Asia

Scientific-theoretical journal

Bosh muharrir:
Ahmadali Asqarov – akademik

Bosh muharrir o‘rinbosari:
Shuhrat Ergashev – professor

Ma’sul kotib:
Bahodir Pasilov – dotsent

Ta’sischi:
Nizomiy nomidagi Toshkent davlat pedagogika universiteti

Telefon:
(+998 98) 310-42-14

Sayt:
https://www.tdpu.uz/

Manzil:
100185, Toshkent shahar, Bunyodkor ko‘chasi, 27-uy

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligidan 2022-yil 28-aprelda 1602 raqami bilan ro‘yxatdan o‘tgan.

Tahrir hay’ati:

1. **Abdullaev R.M. – prof., O‘zbekiston**
2. **Adib Xalid – prof., AQSh**
3. **Alimova D.A. – prof., O‘zbekiston**
4. **Isoqov M.I. – prof., O‘zbekiston**
5. **Kamolov A. – prof., Qozig‘iston**
6. **Kaychumanova D. – prof., Qirg‘iziston**
7. **Kirgizbayev A.K. – prof., O‘zbekiston**
8. **Li Si – prof., Xitoy**
9. **Nuriddinov E.Z. – prof., O‘zbekiston**
10. **Oblamurodov N. – prof., O‘zbekiston**
11. **Pivovar Y.I. – akademik, Rossiya**
12. **Sabirov A.T. – prof., O‘zbekiston**
13. **Saitmurodov J.B. – dots., O‘zbekiston**
14. **Sulaymonov R.H. – prof., O‘zbekiston**
15. **Usmanov I.K. – prof., Tojikiston**
16. **Xodjayev A.X. – prof., O‘zbekiston**
17. **Egamberdiyeva N. – prof., O‘zbekiston**
18. **Yusupova D.Y. – akademik, O‘zbekiston**
19. **Qurbonov X. – prof., Turkmaniston**
20. **Habibullayev A. – prof., AQSh**

“Markaziy Osiyo tarixi” jurnali O‘zbekiston Respublikasi Oliy attestatsiya komissiyasi Rayosatining 2023-yil 30-sentabrdagi 343-sonli qarori bilan 07.00.00 — Tarix fanlari bo‘yicha, doktorlik dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlar ro‘yxatiga kiritilgan.

МУНДАРИЖА

Алимова Д. *Историография древнего и античного периодов Узбекистана: институты государственнности.....4*

Пасилов Б. *Некоторые вопросы становления советской тоталитарной системы в Туркестанской АССР 36*

Акимбек Ж. *Российской империи в отношении ислама в Туркестанском крае в современной историографии постсоветских республик.....50*

Сабиров А. *Место устной истории (oral history) в изучении исторического прошлого Центральной Азии 65*

Рахматуллаев Ш. *Эволюция торгово-экономического сотрудничества Узбекистана и Таджикистана в постсоветский период: основные этапы и тенденции.....82*

Янги китоблар/Новые книги/New books

О монографии академика Е.И. Пивовара «Пространство большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы» - СПб.: «Алетейя», 2022. – 468 с. 96

ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО И АНТИЧНОГО ПЕРИОДОВ УЗБЕКИСТАНА: ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация.

В данной статье на основе анализа широкого пласта исторической литературы по истории Узбекистана представлена картина историографии институтов государственности древнего и античного периодов, вычленены основные дискурсы, проанализированы исследовательские тенденции при освещении данной проблемы.

Ключевые слова:

Государственность Узбекистана, историография, анализ, интерпретация, древний и античный периоды, институты государственности, исследовательские подходы.

Abstract.

This article, based on an analysis of a wide layer of historical literature on the history of Uzbekistan, presents a picture of the historiography of statehood institutions of the ancient and ancient periods, identifies the main discourses, and analyzes research trends in covering this problem.

Key words:

Statehood of Uzbekistan, historiography, analysis, interpretation, ancient and ancient periods, institutions of statehood, research approaches.

Дилором Алимова –

доктор исторических наук, профессор

главный научный сотрудник

центра Междисциплинарных исследований

Национального центра археологии АН РУз.

Выдающийся древнегреческий историк Страбон, проявлявший большой интерес к истории народов Средней Азии, писал: “Народы, жившие по ту сторону Каспийского мо-ря, названные одним словом – саками, другие – массагетами, причем писатели не могли сообщить о них ничего достоверного, хотя и рассказывали про войну Кира с массагетами. Вообще ничего положительного не добыто исследователями об этих народах.... вследствие инакомыслия историков и их страсти к сказкам”. Такое отношение сохранялось много веков и лишь с XIX в. в науке стали предприниматься попытки воссоздать прошлое народов Средней Азии.

Большую роль в этом процессе сыграл перевод «Авесты» на европейские языки и начало археологических раскопок на территории древних государств Средней Азии. Однако до сих пор древняя история народов, населявших этот регион, является прерогативой археологов, которые обогащая ее своими находками, не спешат рассуждать о философии истории этого периода. Редко в их работах находишь историописание, выстраивание исторических выстраивание исторических процессов. Вероятно, это дело будущих исследований исторического характера, которые, естественно, будут основаны и на археологических материалах.

Рассматривая историю развития исследований институтов государственности древнего и античного периодов мы не ставили перед собой задачу полного охвата всех публикаций, которые прямо или косвенно отражают проблему, пытаясь на основе конкретно изложенной литературы показать те или иные тенденции в исследовательской практике.

Следует сказать, что работы историографического характера по периоду древности отсутствуют (не считая историографического анализа в диссертациях, посвященных проблемам древнего периода). Исключение составляет статья В.В. Мокробородова “История и основные проблемы археологического изучения Средней Азии...”[1]. В статье, состоящей из 2-х частей освещаются первые этапы археологического изучения юга Средней Азии древнего периода, в том числе Узбекистана в колониальной и советский периоды. Автор рассматривает вопросы сложения систем периодизации, истории открытий и исследования памятников середины I тыс. до н.э. юга Узбекистана. Развитию археологического изучения этого периода в период независимости посвящена вторая часть статьи, где автор раскрывает его проблемы. Од-

[1] Мокробородов В.В. История и основные проблемы археологического изучения Средней Азии «Ахеменидского» времени (на примере территорий юга современного Узбекистана) // «Проблемы истории, филологии, культуры». - Москва–Магнитогорск–Новосибирск. 2015. № 1. С. 99123.

нако другие археологические регионы остаются вне поля зрения историографов. Между тем, важное значение на сегодняшний день имеет анализ публикаций, посвящённых институтам государственности и, в целом, истории государственности, как одной из важнейших проблем исторической науки. Историографическое изучение институтов государственности способствует представлению о научном опыте, со всеми его достижениями и недостатками, что важно и для перспектив развития археологической науки.

Институты социально-экономических отношений включают в себя структуру среднеазиатского общества, семейные отношения, социальный состав населения, сельское хозяйство, аграрные отношения, землевладение, налоговую систему, состояние селений и городов, вопросы собственности, систему расселения городов, торговлю и другие проблемы. Историография исследований обширна, но рассыпана в разнохарактерной литературе и связывается зачастую с вопросами государственного устройства на территории Средней Азии. Однако в многотомных и однотомных изданиях, посвященных истории Узбекистана, изданных в конце 50-х – середине 60-х годов, где большое внимание уделялось экономике древнего и античного периодов, все изменения в ней объяснялись исключительно классовыми противоречиями и классовой борьбой[2].

Во временном значении трудно сказать, в каком периоде эти вопросы изучались более или менее интенсивно. Они отражены в публикациях 60 – 80-х годов и менее - в 90 – 2000 годах. Основными авторами этих исследований, которые в той или иной степени отразили эти проблемы, были А.И. Чугуевский, В.А. Лившиц, которому наука обязана прочтением многих древних документов, А.Г. Периханян, Е.Е. Неразик, М.И. Воробьева-Десятовская, О.И. Смирнова, Б.Г. Гафуров, Е.В. Земаль, Кл. Рапэн, Г.А. Кошеленко, И.М. Дьяконов, М.Е. Массон, В.М. Массон, Р.Х. Сулейманов, Ю.Ф, Буряков, А. Мусакаева, Б.И. Вайнберг, Э.В. Ртвеладзе, М.И. Филанович, Г.А. Пугаченкова, А.С. Сагдуллаев. Исследователи определили, что основу общества изучаемого периода составляла, как и раньше, община, игравшая главную роль в общественном производстве. Так, Ю.Б. Юсифов считал, что форма большесемейной жизни приводила к экономическому укреплению общины, создавая стимулы обогащения ее членов и на определенное время удерживала процесс обособления хозяйства малых семей[3]. По мнению И.М.Дьяконова в определенный период домовые общины (малые семьи) распадались на отдельные

[2] История Узбекской ССР. Т.1. – Т.: Фан, 1967. С. 147-148.

[3] Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. – М., 1968. С. 125.

ячейки, которые вновь вырастали в большие семьи[4]. Однако структура семьи находилась в стадии развития и расслоения и качественно менялась. М.И. Филанович считает, что «уже в предшествующий период родственные связи сменились территориальными и выделявшиеся домовые патриархальные общины входили в состав более крупного объединения – соседской общины». Система соседских общин, как сельских, так и городских определяла структуру общества на территории Узбекистана[5]. Она отмечает, что в Ахеменидском, Селевкидском, Греко-бактрийском и Парфянском государствах в фискальных целях создавались искусственные общины в среде захваченного и пленённого населения. Таким образом, существовали 2 типа сельских общин, соседские общины вырастали в торгово-ремесленные центры, города, храмовые центры. Первичной структурной единицей была домовая патриархальная община[6]. М. Филанович, опираясь на иранские и индийские источники, а также Видевдат «Авесты» описала аспекты связанные с семейным отношениями. Ее раздел в «Истории государственности Узбекистана. Т.1.» является первым целенаправленным анализом этого вопроса[7].

О социальном составе населения в древний и античный периоды написано немного. Литературные данные носят фрагментарный характер и могут быть почерпнуты из исследований, посвященных разным проблемам[8]. Авторы зачастую проводят аналогии с данными, касающимися других регионов и частей света. Специальный раздел, посвященный этой проблеме в монографии «История государственности Узбекистана. Т.1.», принадлежит М.И. Филанович. Привлекая письменные источники, в частности, Авесту и сведения античных авторов, источники, эпиграфический материал и опираясь на историографическое наследие археологов, она делает вывод об относительной стабильности основного, прошедшего через тысячелетия социального членения иранского и среднеазиатского обществ в древний и античный периоды истории.

---

[4] Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1. С. 25.

[5] История государственности Узбекистана. Т.1. С. 252.

[6] Там же.

[7] История государственности Узбекистана. Т.1. С. 252-258.

[8] Периханян А.Г. Общественное право Ирана в Парфянский и сасанидский периоды. - М., 1983. С. 87; Смирнова О.И. Очерки истории из истории Согда. - М., 1970. С. 76; Воробьева –Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (Некоторые социальные аспекты) //Восточный Туркестан и Средняя Азия. - М., 1984. С. 84-85; Зеймаль Е.В. Парфия и Греко-Бактрийское царство.// История древнего мира. Т.2. М., 1982. С. 477; Лившиц В.А. Два согдийских документа с горы Муг// ВДИ. 1960. № 2; Он же. Документы Топрак-кала. Дворец. - М., 1984; Кошеленко Г.А. Заключение к кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. - М., 1985. С. 347.

Изучение источников позволило ей проследить изменения в социальной структуре среднеазиатского общества. Так, если Авеста упоминает 4 сословия: жрецы, воины, крестьяне и ремесленники, то для периода античности появились такие общественные категории, как жречество, азаты (представители знати) и рамики (простолюдины). Это было вызвано, по мнению М.И. Филанович, динамичными изменениями в структуре общества в этнических государствах Средней Азии в результате развития урбанизации, роста ремесел и торговли, усложнения служб административно-фискальных ведомств[9].

Характеризуя материальное статусное положение каждой из категорий, М.И. Филанович описывает сословную иерархию и отличает особенность Селевкидского правления тем, что господствующий класс имел смешанный состав, куда наряду с греческими наместниками и знатью входили представители местных аристократических родов и жречество[10]. Автор придает важное значение в изменении социального состава Кушанского и Парфянского царств включения кочевнической знати со своими традициями и огромным богатством, войсками, которое стало влияющей силой. Такое мнение существовало в историографии вопроса и раньше. Например, Г.А. Кошеленко считал, что в «Парфянском и Кушанском царствах на характер социальной структуры определяющее влияние оказало завоевание оседло-земледельческих территорий кочевниками, что значительно сокращало количество общин, свободных за счет увеличения числа общин зависимых»[11].

М.И. Филанович охарактеризовала все социальные страты, их занятия и функции. Отдельное внимание она уделила вопросу о рабстве, которое не носило классического характера, как в Древней Греции, Переднем Востоке и в форме домашнего рабства была и в более позднее время. Говоря о редком упоминании в «Авесте» рабов, она объясняет это *«малым экономическим значением рабского труда в авестийском обществе, когда институт рабства был слабо развит и носил патриархальный характер»*[12]. Автор, опираясь на среднеазиатские и восточные источники, обозначает 4 категории рабства.

Опираясь на списки Топрак-калы М.И. Филанович характеризует формы владения рабами и делит их на воинов, ремесленников и землепашцев. Она делает вывод о том, что «рабов по отношению к числу свободных было неизмеримо меньше, чем в странах классического

[9] История государственности Узбекистана. Т.1. с. 259.
[10] Там же. С. 261.
[11] Кошеленко Г.А. Заключение к кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. - М., 1985. С. 347.
[12] История государственности Узбекистана. Т.1.С. 267-268.

рабовладения и их труд не мог вытеснить труд свободных работников. Основой сельского хозяйства оставался труд свободных общинников – земледельцев и арендаторов, а в ремесле преобладал труд свободных ремесленников»[13]. Это взгляд автор ставил под вопрос принятый в советской историографии термин о рабовладельческом обществе относительно древнего и античного периода.

Заслуживают внимания и данные исследователей о самом верхнем эшелоне власти в древний и античный периоды, о культе царя. Опираясь на археологические данные, их сопоставление и компаративный анализ письменных источников, исследователи определили, что в древних и античных государствах (Греко-Бактрия, Парфия, Хорезм, Селевкидское государство, Кушанское царство) существовала разветвленная система правления во главе с царем, обладавшим всей полнотой власти. Административная система делилась на сатрапии, существовал институт царя в виде совета знати и высших функционеров, на правах административных единиц выступали издревле существовавшие местные княжества[14]. Для формирования подобных выводов большую роль играли эпиграфические данные, прочтению многих из них историческая наука обязана известному ученому В.А. Лившицу.

М.И. Филанович рассматривает разновидности земельной собственности, права верховного правителя в наделении землей и взимании налогов[15].

Примерно такие же вопросы, но в отношении Древнего Хорезма, рассматриваются в книге «Хорезм в истории государственности Узбекистана», изданной в 2013 г. Нахождение здесь монет, относящихся ко II в. н.э., в частности, крупных серебряных тетрадрахм с надписями царского титула и именем правящего монарха, по мнению авторов раздела монографии С.Б. Болелова, Э.В. Ртвеладзе, бесспорно свидетельствует о повышении авторитета царской власти как внутри государства, так и за его пределами[16]. Авторы, основываясь на том, что «царское хозяйство в древнехорезмийском государстве

[13] История государственности Узбекистана. Т. I. С. 274.

[14] Бикерман Э. Государство Селевкидов. - М., 1985; Bernard P. Les monnaies hors tresors. Questions d'histoiregreco-bactrienne || MDAFA. TXXVIII. Paris, 1985, Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. - М., 1967. С. 121; Bernard P. Fouillesd'Aikhanoum || MDFA, TXXI, Paris, 1973; Лившиц В.А. Документы // Топраккала. Дворец. - М., 1984. С, 262-264; Он же. Юридические документы и письма // Чтение, перевод и комментарии. - М., 1962. (Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2), С. 134-135; Рапэн К. Эллинистическая сокровищница Ай-Ханум / Городская культура Бактрии- Тохаристана и Согда. - Т., 1987. С. 122-115; Филанович М.И. Царская власть и административно-государственный аппарат // История государственности Узбекистана. Т.1. С. 274-283.

[15] История государственности Узбекистана. С. 288-300.

[16] Хорезм в истории государственности Узбекистана. – Т.: Узбекистон файласуфлари миллий жамияти, 2013. С. 73.

представляет собой обширную, разветвленную систему с управлением, считают, что царская семья была особой категорией аристократии, а государственный аппарат составлял особое социальное сословие[17]».

Исследователи утверждают, что наличие в Хорезме в последней трети I тыс. д.н.э. крупных культовых центров, включавших в себя комплекс культовых сооружений и храмовых хозяйств, дает достаточно убедительные основания считать, что существовали храмовые общины и объединения и сословия жрецов-атраванов[18]. В ведении храмов часто были обширные земли, большое поголовье скота. Храмовые чиновники иногда наделялись судебной властью, особенно при свершении сделок с недвижимостью, решении брачных и имущественных дел. Это позволило ученым сделать вывод, что в Хорезме культовые центры сочетали в себе как религиозные, так и управленческие функции[19].

По мнению большинства исследователей, проводивших адекватную линию сходства находок в Иране и Хорезме, основной единицей общества был род, более мелкой – семья, позже род уже начал терять свое значение и на первый план выступила семья[20].

По мнению Е.Е. Неразик в этот период в Хорезме были распространены крупные семейно-родовые ячейки, хотя одновременно могли существовать и малые семьи[21].

Исследователи считают, что основу трудоспособного населения составляли свободные земледельцы, объединенные в свободную общину, и что это был самый многочисленный социальный слой Древнехорезмийского государства[22], из которого зачастую формировались пешие отряды войска.

С.Б. Болелов и Э.В. Ртвеладзе, основываясь на письменных, в частности, на китайских источниках, предполагают, что «значительное место в социальной структуре занимали торговцы-купцы», имелись и мастера-ремесленники, а также судовладельцы, объединенные в корпорации[23].

Исследователи называют разные виды ремесел и виды ремесленных общин. Выделяют они как социальную страту и земельную знать, а также группы скотоводческого населения, проживавшего на окраинах земледельческого оазиса. Отмечая особенные взаимовыгодные отношения земледельцев и кочевников в Древнехорезмийском царстве,

[17] Хорезм в истории государственности Узбекистана. С. 73-74.
[18] Там же. С. 75.
[19] Там же.
[20] Фрай Р. Наследие Ирана. - М., 2002. С. 82-83; Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948. С. 93.; Хорезм в истории государственности Узбекистана… С. 76.
[21] Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // Труды ХАЭЭ. - М., 1976. Т.Х. С. 211-213.
[22] Хорезм в истории государственности Узбекистана. С. 76-77.
[23] Хорезм в истории государственности Хорезма. С.80-81.

авторы трудов объясняют, что следствием этого было отсутствие на границах оборонительных сооружений – стен и крепостей, которые строились во внутренней части государства.

В археологической литературе система расселения в Древнем Хорезме сопоставляется с оазисами – номами Месопотамии и Древней Бактрии. В усадьбе-замке внутри такого оазиса проживала военная и владетельная аристократия[24].

Что касается такой страты, как домашние рабы, то в отличие от М.И. Филанович, С.В. Болелов и Э.В. Ртвеладзе полагают, что количественный состав домашних рабов в патриархальных семьях Хорезма достигал внушительной величины[25]. Таким образом, данные археологии позволяют ученым судить о социальном характере общества древнего и античного периодов Средней Азии.

Основу экономики древних и античных государств на территории Средней Азии составляло земледелие, пастбищное скотоводство, отгонное скотоводство. Этой проблеме посвящено немало работ. С 60-80-х гг. превалирует тема появления и развития регулярного орошения.Первая фундаментальная монография по этой теме была издана еще в 1957 г[26]. Ее автор Я. Г. Гулямов, известный археолог, впервые исследовал на археологическом материале историю орошения в Хорезме, что стимулировало исследователей последовательнее изучать этот вопрос в отношении других регионов Узбекистана. Такая хронологически обширная работа (с древности по советский период) позволила иметь представление о состоянии Амударьи и ее берегов и способов орошения в древности. Автор связывает следующую фазу орошения и ее развития с ранними государственными образованиями и государствами античного периода. Раннесредневековый и средневековый периоды в контексте развития ирригации связываются с политическими процессами, что было немаловажно. Несмотря на легкий налет идеологических установок времени, монография заявила о себе как о капитальном труде, где история орошения Хорезма связана с социально-экономическими, политическими процессами, протекавшими в регионе. Ее прочная фундаментальная база, сформированная археологическим изучением Хорезма, его памятников материальной культуры с древнейших времен, в сочетании с данными исторических хроник и письменных источников, прекрасным знатоком которых был Я.Г. Гулямов, не оставляет сомнений, что это было одно из научных открытий XX века в области общественно-гуманитарных

[24] Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство Древнего Хорезма. - М., 1981. С. 552.
[25] Хорезм в истории государственности Узбекистана. С. 85.
[26] Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент. 1957, 313 с.

наук. Сугубо в археологическом плане рассматривает оросительные системы древнего Нахшеба Р.Х. Сулейманов, отмечая, что в древности естественные протоки превращались в каналы[27].

Особого внимания заслуживает в этом плане работы Б.В. Андрианова, А.Р. Мухамеджанова, А.И. Билалова, а также исследования, в которых затрагивается этот вопрос, в частности, Ю.Ф. Бурякова, Н.Г. Горбуновой, Ю.А. Заднепровского, Г.А. Пугаченковой, Э.В. Ртвеладзе, М.И. Филанович[28]. Авторы подчеркивают, что именно создание ирригационных систем, каналов и водохранилищ, осуществленных в зонах традиционного оседлого земледельческого хозяйства (Бактрия, Парфия, Маргиана, Согд) стало мощным импульсом развития производительных сил общества и государственности[29].

Продолжением исследования по истории оросительных систем стали работы, касающиеся других регионов Средней Азии – Зарафшана, Бухары, Уструшаны и др. Это работы А.Р. Мухаммеджанова, в которых, наряду с данными о времени средневековья, содержится краткие очерки возникновения и развития оросительных систем в низовьях Зарафшана и Бухары, начиная середины I тыс. до н.э. Книга А.И. Билалова основана на изучении ирригационных сооружений такой крупной области как Уструшана, где зачатки земледельческого хозяйства возникли уже в пределах III - II тыс. до н.э[30].

Исследователи связывают социально-экономические вопросы с системой расслоения, развитием городов и торговли. Во второй половине XX - начале XXI века сложилась обширная историография вопроса, в которой отражены те или иные аспекты, проблемы, авторы которых не преследовали цель ответить на поставленную нами проблему, однако для них была очевидна связуемость социального - экономического развития с расслоением населения и развитием городов и торговли. Достаточно освещены в литературе многие вопросы развития экономики. Например, исследователи определили, что первые ткани из хлопка в Средней Азии относятся к первым

---

[27] Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент: «Фан», 2000.

[28] Адрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме I-XIV вв. // Труды ХАЭЭ. Т. IX, М., 1976; Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980; Буряков Ю.Ф. Генезис и эпоха развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982. С. 114; Горбунова Н.Г. Фергана в Кушанское время // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975, с. 54; Заднепровский Ю.А. Фергана// Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985, с. 308; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Т., 1990, с.64; Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Т., 1983; Она же. Сельское хозяйство, аграрные отношения, землевладение налоги, селения и города // История государственности Узбекистана. Т. I…., с. 283-288.

[29] Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. - Самарканд-Ташкент: «Фан», 2000. С. 12-13.

[30] Мухаммеджанов А.Р. К истории ирригации в Кушанскую эпоху // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. - М., 1975. С. 279.

векам нашей эры. Возделывание его имело место еще в ахеменидское время. Ряд публикаций был посвящен выращиванию в Фергане, Согде, Бактрии, Маргиане, Парфии винограда и виноделию, о чем подробно свидетельствуют парфянские документы, подробно анализированные учеными[31].

В 70-80-х годах исследователями древней истории уделялось больше внимания проблеме сложения и развития городов Средней Азии в их целостной, многофункциональной системе, выявлению социальной стратификации населения и градостроительной структуры как взаимосвязанных элементов общественного организма. Книга Э.В. Сайко, изданная в 1973 г., стала образцом рассмотрения становления города как производственного центра в теоретическом ракурсе[32]. Работа М.Е. Массона о крупных древних и средневековых городах низовьев р.

Кашкадарьи, написанная на данных Кешской археологическо-этнографической экспедиции, возглавляемой им, стала большим вкладом в рассмотрение проблемы в региональном контексте[33]. В ряду поселений городского типа античного времени на юге Узбекистана выделялось городище Дальверзинтепе, где велись многочисленные раскопки под руководством Г.А. Пугаченковой. Результаты работы нашли отражение в ряде работ, где характеризуется город Кушанской эпохи и его искусство[34]. В дальнейшем, вплоть до настоящего времени, продолжается изучение древних и античных городов в контексте развития эпохи. Это работы В.Н. Пилипко, А. Сагдуллаева, С.Н. Кабанова, Р.Х. Сулейманова, А.Р. Мухамеджанова, Ш.Т. Адылова, Э.В. Ртвеладзе и др[35].

Одна из последних современных работ по данной теме принадлежит перу М.И. Филанович. Она попыталась показать связь развития

---

[31] Дьяконов И. М.Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. - Москва-Ленинград: Акад. наук СССР, 1951. 64 с.; Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. (образцы документов). // ВДИ. 1960. № 2. С. 14-28.

[32] Сайко Э.В. Становление города как производственного центра (Формирование экономической основы- ремесла. Средняя Азия). - Душанбе, 1973. 112 с.

[33] Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. 1973.

[34] Художественные сокровища Дальверзинтепе. Автор текста и составитель Г.А. Пугаченкова. - Л. 1978. 102 с.; Дальверзин-тепе Кушанский город на юге Узбекистана. - Т., 1978. 238 с. Сборник статей; Пугаченкова Г.А.., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древности и средневековья. - М. 1982.

[35] Сулейманов Р. Древний Нахшаб. – Т., 2000; Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Т., 2002; Пилипко В.Н. Парфянское сельское поселение Гарры- Кяриз. - Ашхабад: Ылым, 1975; Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в античную эпоху // Античная культура Средней Азии и Казахстана. – Т., 1979. С.56-57; Сагдуллаев А.С. Особенности оседлого расселения в Южном Согде в эпоху античности // Городская культура Бактрии и Согда. – Т., 1986. С. 131-134; Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). - Т.,1977. С. 100-102; Мухаммеджанов А.Р., Адылов Ш.Т. Городские памятники низовьев Зарафшана в IV – VIII вв. // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Т., 1987; Ртвеладзе Э, В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Т., 2002.

городов с развитием сельского хозяйства и аграрных отношений[36].

На основе изучения всех типов расселений и их внутренней структуры на основе археологических данных, которые были адекватны в разных регионах Центральной Азии, М.И. Филанович делает выводы о социально-экономическом состоянии общества. Появление в античную эпоху укрепленных замков с поселением у подножья, она считает свидетельством существования крупной земельной аристократии, от которой экономически зависела большая часть свободных общинников.

Известно, что в эллинистический период резко возросла роль городов. М.И. Филанович пишет, что формирование схемы «города в системе поселений, прежде всего, имело экономическую подоплеку общественного разделения труда и формирования системы внутренних связей[37]». Л. Бернар посвятил этому вопросу статью, в которой рассматривает проблемы греческой колониальной истории и урбанизации эллинистического города в Центральной Азии[38].

Археология дает нам обширные сведения о развитии ремесленного производства и торговли в первые века нашей эры, как в городе, так и в селе. Это было вызвано общим экономическим подъемом, характерным для этого периода. По мнению исследователей в это время начали складываться центры городского дела и металлургии в Бактрии, Чаче, Фергане[39]. Этой проблеме была посвящена специальная книга Ю.Ф. Бурякова «Горное дело и металлургия средневекового Илака», где отмечается, что в первых веках нашей эры резко возросла добыча полезных ископаемых – железной и медной руды, свинца, золота, серебра и полудрагоценных камней, что составляло базу для развития металлургии и металлообработки, оружейного дела, ювелирного ремесла и выпуска монетных эмиссий, часть продукции Бактрии шла на экспорт[40].

Исследователи определили, что Бактрия стала первой страной, экономика которой имела денежное обращение[41].

Большим вкладом в изучение денежного обращения в древних и античных государствах стали работы Э.В. Ртвеладзе[42], который на

---

[36] История Государственности Узбекистана… С. 283-288.

[37] История государственности Узбекистана Т. I…, с. 303.

[38] Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизация эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. - М., 1986.

[39] Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового плана. - М., 1974. С. 98-100.

[40] Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового плана. М., 1974. С. 98-100.

[41] История государственности Узбекистана. Т. I. С. 310.

[42] Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. – Т., 2002; Он же. Южно-согдийские монеты династии Абтата с изображением Геракла и Зевса // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган ўрни. – Т., 2002; Монеты Кеша (Киша)/ III-II вв.д.н.э. – VIIв н.э.// Общественные науки в Узбекистане. 2002, № 6; Он же. История и нумизматика Чача (вторая половина III-середины VII в.н.э.). – Т., 2006.

основе нумизматических данных (в противовес мнению Е.В. Зеймаля о том, что на правобережье Окса не было ремесленного монетного обращения) доказал, что в регионе был развит внутриобластной рынок, основывающийся на денежном обращении.

По данным исследователей во второй половине II-начале I в до н.э. был начат собственный чекан Хорезма, а со второй половины III в. н.э. – Чача. Развитие денежного обращения стимулировало развитие Великого Шелкового пути, трассы которого проходили через среднеазиатские государства, соединяя торговые пути западных стран греко-бактрийского мира с Передней Азией и Дальним Востоком.

Исследователи определили, что основная караванная трасса Великого Шелкового пути проходила из Рима на Ближний и Средний Восток, в пределах Средней Азии она пересекала Парфию, Маргиану, Бактрию. Они опирались на данные Исидора Харакского, географа I в. до н.э., который писал о городах и малых столицах на этом пути[43]. Как пишет М.И. Филанович – из Бактрии одна ветвь вела на Тарместу (Термез) и через Таримское низовье на Хотан и Яркенд, другая уходила на север - в Семиречье. В первых веках до нашей эры оформился путь по Яксарту из Китая в Давань, Кангюй, далее - в Саматские степи к переправе через Волгу. Ранее оформился путь вдоль Окса и русла Узбоя[44].

Обстоятельно о трассах Великого Шелкового пути, проходивших через Среднюю Азию в контексте привозимых изделий, писала Г.А. Пугаченкова[45]. Проблемы трасс Великого Шелкового пути, их формирования и развития обсуждались на специальном международном семинаре, проведенном в 1990 г. ЮНЕСКО.

Титулатура правителей. Как известно, титулатура имела в древности и античное время политическое значение. Титулы, несущие сведения о государстве, носили наследственный характер или приобретались в результате борьбы за власть. По мере разрастания государства, титулатура обогащалась новыми эпитетами, нередко ставившими глав государств наравне с божествами[46]. Авторы работ,

---

[43] Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III-середины VIIв.н.э.). -Т., 2006..

[44] Массон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства// Труды ЮТАКЕ. Т. V. - Ашхабад, 1955. С. 7.

[45] Пугаченкова Г.А. Привозные художественные изделия на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути// Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. - Т., 1990; Она же. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. – Т., 1990.

[46] Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепа в старом Термезе// Буддийские пещеры Кара-тепе в старом Термезе. - М.,1969, с. 55-73; Лившиц В.А. Кругликова И.Г. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дальверзина // Древняя Бактрия. - М., 1979, с. 98-113; Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.// ВДИ, 1964, №3, с. 155-176; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. - М., 1975; Он же. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV- Vвв/ (в связи с запустением Кара-тепе)// Буддийский культовый центр

опубликованных в основном в 50-70-е годы, делали акцент на выявление происхождения титула, его содержания и этнической принадлежности. Многие выводы делались на основе нумизматических данных.

Отсутствие специальных работ по этой тематики определяется сложностью изучения этого многовекового процесса, определенного в недостаточности информации. Имеющиеся краткие сведения китайских и греко-римских письменных источников не могут способствовать полному раскрытию проблемы. Однако изучение нумизматических и отчасти эпиграфических данных в определенной степени проливает свет на историю древней титулатуры.

Современные авторы Э.В. Ртвеладзе и Г. Бабаяров были немногими, кто попытался рассмотреть вопрос в хронологической последовательности, проследить характер изменений титулатуры правителей Средней Азии. Э.В. Ртвеладзе проанализировал данный вопрос в контексте развития древней и античной государственности, связав его с историко-культурными причинами[47].

Основываясь на этом, Э.В. Ртвеладзе рассмотрел эволюцию титулатуры правителей Средней Азии и разбил ее хронологически на четыре периода: авестийский (первая половина I тыс. до н.э.), ахеменидский (середина VI-конец IV в. до н.э.), эллинистический (конец IV – начало второй половины II в. до н.э. в Бактрии - до II в. н.э.); арамейско-кушанский (II в. до н.э.- ранее средневековье)[48].

Автор отмечает, что последняя титулатура сохранялась в ряде владений Среднеазиатского Двуречья вплоть до VIII в. н.э. включительно. При этом он подчеркивает, что «это отнюдь не означает что в Средней Азии не существовало правителей другой языковой принадлежности, к примеру, сакской, древнехорезмской или кангюйской, но, к сожалению, наука пока не располагает подобными данными[49]. На наш взгляд это говорит о том, что данную хронологию нельзя воспринимать априори. Находки данных могут изменить данную версию.

Э. Ртвеладзе, опираясь на данные нумизматики, рассматривает все известные формы титулов, присущих государствам Средней Азии, начиная с доахеменидского времени (вторая половина IV века

Кара-тепе в старом Термезе. - М., 1972; Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (к возможной новой постановке вопроса) // История Иранского государства и культуры. - М., 1971, с. 122-125; Зеймаль Е.В. Политическая история древней Транскоксианы по нумизматическим данным// Культура Востока. Древность, раннее средневековье. - Л., 1978, с. 208-212; Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948; Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. - М., 1963. С. 173-211; Henning W.B. Mitteliranish // Handbuch der orientalistik. B.d. IV: Iranistik. Ab. I; Leiden-Koln, 1958; Он же. Additional notes on Early coinage of Transoxiana // American numismatic Society. Museumnotes. VII. NewYork, 1957.

[47] Ртвеладзе Э.В. Титулатура правителей. // История государственности Узбекистана. Т. I., 2009, с. 330-347.

[48] История государственности Узбекистана. Т.I. ....., с. 332.

[49] Там же.

до н.э. до III-IV вв. н.э.; процесс сложения титулатуры, в частности, в Среднеазиатском Двуречье. Автор подробно останавливается на титулатуре Кушанских царей, проводя аналогии с титулатурами индийских, китайских, греческих традиций. Он отмечает, что эволюция титулатуры в Среднеазиатским Двуречье не была прерывной. Начав развиваться в начале 1 тыс. до нашей эры, она исчезла в периоды иноземных захватов территории и вновь возродилась в третьей четверти I в. до н.э. в связи с образованием Древнехорезмийского государства[50]. Уделяя большое внимание нумизматическим данным, Э.В. Ртвеладзе утверждает, что титулатурные данные монет разных областей среднеазиатского Двуречья свидетельствуют о *«достаточно высокой политической самостоятельности этих владений государств, особенно Хорезма, правителю которого принадлежал царский титул»*[51]. Ему удалось построить иерархическую лестницу древних государств среднеазиатского Двуречья в соответствии со значимостью государств. Высшая ступень в ней он отдает Кушанскому царству, затем Хорезмийскому царству и ниже по этой лестнице стоят владения Бухары, Самарканда, Кеша и Чача[52].

Следует согласиться с его мнением о важности определения лингвистической принадлежности титулатуры правителей древних государств на территории нынешнего Узбекистана. В зависимости от разного рода обстоятельств и политического господства тех или иных государств и локальных культурных традиций, она была различного происхождения. Это очень важно, так как знания в этой области проливают свет на то, как шел процесс формирования государств и какие этнические группы, язык которых нашел отражение в монетах, принимали в нем активное участие.

Одной из последних работ, касающихся этой темы, была статья Г. Бабаярова «Нумизматические данные о древних и средневековых государствах Средней Азии», где автор уделял внимание данным о Западно-тюркском каганате и Караханидах[53]. О древних государствах и титулатуре здесь речь не идет. Однако Г. Бабаяров одним из первых поднял вопрос об этнической принадлежности правивших династий оазисных владений Средней Азии на основе изучения монетных тамг и выразил мнение о происхождении некоторых титулов Караханидов и их параллелях в титулатуре Западно-тюркского каганата. Автор делает

[50] Там же, с. 345
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] Бабаяров Г. Нумизматические данные о древних и средневековых государствах Средней Азии. // Кн. Очерки историографии Узбекистана. С. 33-35.

вывод о том, что она имела глубокие корни, зародившиеся в древности на территории Средней Азии.

Таким образом, темы титулатуры касательно древнего и античного периодов пока недостаточно изучена. Однако данные по проблеме можно почерпнуть из нумизматических трудов и некоторых работ, касающихся других проблем этого периода. Единственной специальной работой является раздел «Титулатура правителей» под авторством Э.В. Ртвеладзе в монографии «История государственности Узбекистана: вторая половина II тыс. до н. э. и III век н.э. том I» (страница 330-349), изданная в 2009 году в Ташкенте.

Денежное обращение как институт государственности. Денежное обращение древнего и античного периодов в Средней Азии – тема широко обсуждаемая специалистами, археологами, нумизматами и искусствоведами, как отечественными, так и зарубежными. Первая характеристика монетных находок в Средней Азии с 1917 по 1927 гг. осуществлена М.Е.Массоном в 1928 г[54].

В.М. Массон в 50-х годах опубликовал несколько статей, в которых дал характеристику денежного хозяйства Средней Азии по нумизматическими данным[55]. В одной из них он делает вывод о появлении местных согдийских, бактрийских и, в известной мере, хорезмийский чекан во II -I вв.д.н.э. Выпуск таких монет, по его мнению «был вызван значительной потребностью в средствах обращения чеканивших их обществ и следовательно отражает уровень развития этого общества. Основываясь на анализе подражания тетрадрахм греко-бактрийского царя Евкратида (хранящейся в Государственном Эрмитаже) и отраженной на ней тамги он делает заключение о политическом подчинении отдельных областей Бактрии и Согда кангюйскому объединению», центр которого, видимо, находился на берегах Сыр-дарьи»[56]. Анализируя древнебактрийские монеты, чеканные по типу тетрадрахм Гелиокла, В.М. Массон отмечал, что появление на лицевой стороне портретных черт неизвестного правителя и нового типа оборотной стороны (изображение лошади) указывает на проявление самостоятельной государственности[57]. Такого рода статьи и монографии с анализом монетного чекана стало больше.

---

[54] Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1917 – 192 гг. // Известия Средазкомстариса. Вып. 3. – Т., 1928.

[55] Массон В.М. Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. 1955. № 2; он Он же. Древнебактрийские монеты, чеканные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. 1956. С. 63-75. Вып. 11.

[56] Массон В.М. Редкая среднеазиатская монет из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1953. № 3. С. 167-169.

[57] Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. 1956. Вып. 11.с. 74.

Как правило, авторы брали несколько или группу монет, найденных в разных областях и регионах Средней Азии, давали им характеристики без подведения общего знаменателя по истории государственности[58].

Проблема возникновения собственной монетной чеканки в Средней Азии представлялась исследователями в хронологическом и территориальном аспектах. В ряде работ Е. Зеймаля на основе обширного нумизматического материала определены характер и особенности ранних этапов становления монетной чеканки в регионе и сделаны теоретические выводы[59]. Не ограничиваясь Средней Азией, автор делает сравнительный анализ с данными по Кавказу и другим странам Востока. По мнению Е.В. Зеймаля первая монета собственного чекана в Среднеазиатском Двуречье были подражаниями золотым иностранным монетам и, как считает он, они были начальной формой денежного обращения в областях и странах, прилегающих к территориям государств, где было развито денежное обращение. По этому поводу Э.В. Ртвеладзе высказывает сомнение. Он пишет: «Если даже согласиться с данным предположением, остается неясным вопрос о том, являлись ли селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты иноземными по отношению к Согду и Северной Бактрии, или же они обращались здесь потому, что обе области входили в состав эллинистических государств»[60]. Автор прав, утверждая, что этот вопрос связан с политической историей Среднеазиатского Двуречья в III-II вв. до н.э. Первой обобщающей работой в этом направлении стала публикация Э,В.Ртвеладзе «Древние монеты Средней Азии» в 1987 году[61].

---

[58] Смирнова О.И. ‘Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949-1956 гг.). – М.: Издательство восточной литературы, 1963; Мандельштам А.М. К предкушанскому чекану Бактрии // ЭВ. С. 85-91. № 27. 1966; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. - М., 1977; Пугаченкова Г.А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. // Культура и искусство древнего Хорезма. - М., 1981. С. 250-261; Ртвеладзе Э.В. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары (Предварительное сообщение) // ОНУ. №6. С. 54- 58 (совместно с М. И. Ниязовой); Ртвеладзе Э.В. К истории денежного обращения в Западном Согде (Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухары) // ОНУ. №6. С. 35-38 (совместно с А. А. Мусакаевой); Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрогор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С, 4-18; Горбунова Н.Г. Ивочкина Н.В. Монеты у-шу из могильников Ферганы // Сообщения ГЭ. - Л.: «Искусство», 1988. Вып.3; Ртвеладзе Э.В. Селевкидские монеты из Кампыртепа // ОНУ. №2. С. 47-49; Он же. Монеты Кеша (Киша) III-II вв. до н. э. – VIII в. н. э. // ОНУ. №6. С. 43-49; Мусакаева А. А. Монеты Гиркода // ИМКУз. Вып. 34. 2004. С. 76-87; Ртвеладзе Э.В. Южно-согдийские монеты династии Абтата с изображением Геракла и Зевса // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Тезисы докладов. - Т., 2002. С. 123-126 и др.

[59] Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. - М., 1983, с. 61-80; Он же. Древние монеты Таджикистана. - Душанбе, 1983. С. 61-81.

[60] История государственности Узбекистана. С. 396.

[61] Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. – Т., 1987. 182 с. (на узб., рус., англ. языках); Он же. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. – Т., 2002. 304 с; Он же. Модели генезиса монетной чеканки в Среднеазиатском Междуречье. // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. – Т., 1990. С. 176-

Очевидно, что денежное обращении необходимо рассматривать в контексте развития государств и состояния финансовой политики, что сделано Э.В. Ртвеладзе в разделе книги «История государственности Узбекистана».

Наполнение большого количества монетного материала позволило Э.В. Ртвеладзе впервые в историографии разработать периодизацию денежного обращения в этом регионе. В монографии «История государственности Узбекистана» этому вопросу посвящен специальный параграф[62]. Первый период он определяет второй половиной II- первой половиной I тыс. д.н.э. В это время происходит натуральный обмен и меновая торговля, возможно, использование металлических слитков. Керамические круглые предметы, найденные на памятниках этого времени в отличие от мнения М.М. Дьяконова[63], Э.В. Ртвеладзе считает эквивалентом монет[64].

Уже во втором периоде, в V- конце IV вв. до н.э. появляется надчекан на ахеменидских монетах[65]. Их находки в Средней Азии Д.В. Бирюков считает свидетельством того, что регион входил в сферу денежного обращения империи Ахеменидов[66]. Э.В. Ртвеладзе делает предположение, что здесь существовало и слитковое обращение. Ссылаясь на сведения Геродота о том, что области Средней Азии, делившиеся на 3 сатрапии, выплачивали налог серебром ахеменидским царям, делает вывод о том, что это были весовые слитки.

Таким образом, исследователь считает этот период временем первоначального знакомства населения этого региона с монетой и возможного ее использования, в особенности надчеканенных сиклей, в определенных торговых ситуациях[67].

Третий период - конец V- середина II в. до н.э. Э.В. Ртвеладзе связывает с вхождением ряда областей Средней Азии (Бактрии, Согда, Парфии) в эллинистическую систему монетного дела. По его мнению, именно в этот период здесь происходило становление и развитие настоящих товарно-денежных отношений, что подтверждают находки медных и бронзовых монет на многих городищах. Очень важным является заключение автора о возникновении чеканки монет от имени

187.

[62] Ртвеладзе Э.В. Денежные отношения // История государственности Узбекистана. С. 394-416. Ранее этот вопрос был освещен в монографии Э.В. Ртвеладзе Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент, 2000. 352 с. (совместно А. Х. Саидовым и Е. В. Абдуллаевым).

[63] Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 1954. 19.

[64] Ртвеладзе Э.В. Денежные отношения // История государственности Узбекистана. С. 394-416.

[65] Там же.

[66] Бирюков Д.В. У истоков денежного обращения Средней Азии // НЦА.1. Ташкент, 1995. С. 5-18.

[67] История государственности Узбекистана. С. 393.

местного правителя. На следующем этапе этого периода, по мнению Э.В. Ртвеладзе, происходит дальнейшее развитие денежных отношений в Среднеазиатском Двуречье, расширение ареала и возникновение новых районов, в частности, Бухары, в денежном отношении. Это подтверждают находки первых монетных ..... свидетельствующих о наличии больших денежных средств у отдельных лиц. И это время характеризируется появлением первых согдийских и бактрийских подражаний селевкидским и греко-бактрийским монетам, как первой стадии становления монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье[68], что свидетельствует, по нашему мнению, об укреплении местной власти.

На основе анализа монет историко-культурных областей Узбекистана, в частности, Северной Бактрии, Согда, Кеша и Нахшеба, Самаркандского Согда, Бухары и Хорезма, Э.В. Ртвеладзе делает заключение, что в этот период «лишь в двух наиболее развитых областях этого региона - Северной Бактрии и Согде, находившихся под юрисдикций греко-бактрийских царей, существовали денежные отношения, причем в Согде только вероятно в крупных городах – Мараканде, Еркургане и Бухаре. Вместе с тем в отдельных областях господствовал натуральный обмен»[69].

Четвертый период автор обозначает второй половиной II в. до н.э. – начало I в. н.э. и связывает с падением Греко-бактрийского царства в начале II в. до н.э. и с изменением политической ситуации в регионе и возникновением конфедеративного Юечжийского государства. Важнейшей особенностью данного периода Э.В. Ртвеладзе считает «распространение почти во всех областях Среднеазиатского Двуречья, за исключением Ферганы, Чача, чеканки подражания греко-бактрийским монетам»[70].

Пятый период определяет I в. - первую половину III вв. н.э. и прослеживает возникновение новой политической ситуации, определенной «отходом от эллинистических традиций монетного дела как в весе, стандартах и составе монет, так и в иконографии и символики, на смену которым приходят местные азиатские нормы и традиции[71]».

Рассмотрев основные денежные единицы из найденных кладов исследователь прослеживает замену подражательных портретов властителей на изображении местных правителей в этот период, отмечая, что этот процесс особенно интенсивно проходил в Хорезме, где

[68] Там же. С. 402-403.
[69] История государственности Узбекистана. С. 404.
[70] Там же. С. 405.
[71] Там же. С, 407.

произошел полный переход к совершенно самостоятельной монетной чеканки[72].

Э.В. Ртвеладзе подтверждает теорию Б.И. Вайнберга о том, что в середине третьей четверти I в. н.э. шел важный этап монетного дела в Хорезме. На них появляется тамга, которая стала традиционной в монетном чекане Хорезма до конца VIII в. и местная легенда, в которой отражены имя царя и титул. Таким образом, Э.В. Ртвеладзе делает важное заключение о том, что «в 1 в – первой половине 3 в. в Среднеазиатском Двуречье существовали три большие нумизматичские провинции - три локальные области денежных отношений, различающихся друг от друга весовыми стандартами и металлом монет[73]». Это Хорезм, Согд, Северная Бактрия, Фергана, возможно, Чач. Далее, связывая последующее состояние денежного хозяйства в процессе становления новых государств, автор пишет, что «политическая обстановка в регионе, вызванная крушением Кушанского и Парфянского царств, переход к новой социальной системе, несомненно повлияло на изменение характера денежных отношений, появлению новых центров монетной чеканки и полному исчезновению эллинистичсеких традиций в иконографии, в метрологии и эпиграфике»[74].

Итак, если рассматривать проблему денежного обращения в контексте развития государственности, мы можем сделать выводы о том, что не все авторы ставили такую задачу, но в той или иной степени связывали анализ денежного хозяйства с той политической системой, которая существовала в период нахождения тех или иных монет на определенной территории. В историографии вопроса, которая очень обширна, делается заключение о проявлении на определенном этапе самостоятельной государственности. Нумизматические данные позволяют авторам делать выводы и о взаимоотношениях государств, о мере проявления заимствований и о преодолении традиционности.

Письменность.

Известно, что появление письменности тесно связано с возникновением государств, которые не могут существовать без нее, т.к. она обеспечивает функционирование различных государственно-правовых институтов. Письменность является одним из самых ярких выражений степени развития цивилизации. И это в полной мере относится к среднеазиатскому региону, известному возникновением древнейшей государственности. Историография вопроса весьма обширна, но

[72] Там же. С. 413.
[73] Вайнберг Б. И. Древний Хорезм. - М., 1977. С, 49-51.
[74] Очерки истории государственности. С. 416.

единственной монографией, посвященной истории письма, включая и Среднюю Азию, является работа И. Фридриха “История письма”, изданная в 1979 г[75]. Но одной из первых работ, касающихся письменности этого региона является статья С.П. Толстова “Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит”, опубликованная в 1938 г[76]. Эту тему он продолжил в другой своей статье, написанной совместно с В.А. Лившицем “Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала”[77]. Тема, касающаяся письменности, освещена в большом количестве статей, посвященных непосредственно археологическим находкам в Средней Азии, в частности, в Узбекистане, отражающие надписи того или иного этапа древнего периода, многие из них связаны с нумизматикой.

Исследователи отмечают, что Средняя Азия не входила в зону первоначальных очагов возникновения письменности. На ее территории пока не удается проследить раннее этапы, через которые прошло развитие письма – от примитивных форм письменности, так называемого предметного и рисуночного письма (пиктография и идеография), до словесно-слогового и наконец “буквенного”[78].

Однако среди некоторых изображений на керамике II тыс. д.н.э. из Южного Туркменистана имеются отдельные группы знаков, в чем можно видеть зачатки пиктографической письменности. Большая заслуга в изучении этого вопроса принадлежит Э.В. Ртвеладзе, которым в 3-х крупных изданиях, опубликованных за последние 20 лет, написаны специальные разделы, посвященные истории письменности, относительно среднеазиатского региона[79].

Он считает, что две системы письменности - семитская, посредством арамейской и греческая легли в основу местных древних доарабских систем письменности в Средней Азии. Вместе с тем противоречие этому создает Бехистунская надпись ахеминидского царя Дария I, где кроме повествования о деяниях этого правителя, имеются и рисунки, изображающие саков, бактрийцев, маргианцев. Это наводит на предположения о знакомстве населения с клинописью.

---

[75] Фридрих И. История письма. - М., 1979.

[76] Толстов С.П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ, 1938, С. 4-5.

[77] Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // СЭ. 1964. № 2.

[78] Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. - Т.:Адолат, 2000. С. 91.

[79] Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. – Т.: Адолат, 2010; Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государство, культура Центральной Азии. – Т., 2008; Он же. Историческое прошлое Узбекистана. – Т.: Санъат, 2009; История государственности Узбекистана. Т.1. С. 480-481.

В VII-VI вв. до н.э. арамейское письмо стало основным языком административного управления и канцелярского делопроизводства во всех сатрапиях Ахеменидов, в том числе и в Средней Азии. В это время ее жители освоили эту письменность. Об этом свидетельствует документ, приводимый исследователями. Это папирус, найденный на острове Элефантин в низовьях Нила, датированный 464 г. до н.э., где речь идет о имущественном споре на обладание земельным участком между хорезмийцем Даргаманом, служившим в военном гарнизоне из отряда Артабана на этом острове и иудеем Махселем из другого отряда этого же гарнизона. Документ начинается словами: «Даргамон, сын Харшина, хорезмиец отряда Артабана, в крепости в Элефантине сказал Махасею… »[80]. Это ценное свидетельство того, что хорезмийцы знали арамейский язык и письменность.

Исследователи приводят и другие памятники Средней Азии, в частности Северной Бактрии, выполненные арамейской письменностью на арамейском языке. В частности, относящиеся к V-IV вв. до н.э., где содержатся важнейшие сведения об экономике, административном аппарате, некоторых событиях, исторической географии Бактрии, именах правителей, долговые расписки и деловые письма[81]. В Хорезме также были найдены керамические изделия с надписями на этом языке и на других находках из других областей[82].

Процесс перехода с арамейского языка на греческий, по мнению исследователей, был долгим и сохранялся наряду с греческим и арамейским. Проследить его возможно будет исследованиями эволюции письма и легенд на монетах, выпускавшихся в древних областях Среднеазиатского Двуречья. Пока таких работ нет. Однако находка греческих надписей III –II вв. до н.э. на этой территории недостаточно. Находки, в частности, монеты, свидетельствуют о большой роли эллинских традиций в Согде, Кушанском царстве во владении Среднеазиатского Двуречья в III –II вв.д.н.э[83]. Исследователи проследили замену греческой символики и письменности на согдийскую, хорезмийскую и бактрийскую. Так, Е.В. Зеймаль отмечает, что на монетах Южного Согда и Самаркандского Согда легенды выполнены уже согдийской письменностью и имели, наряду с изображениями

[80] Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. - М., 1980. С. 300-301.
[81] История государственности Узбекистана. С. 470-471.
[82] Мамбетуллаев М. Хум с городища Айбукир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1979. № 1. С. 46-48; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. - Л.: «Искусство». 1979. 96 с.
[83] См.: История государственности Узбекистана. Вторая половина II тыс. до н.э. – III в. н.э. Т.1. – Т.: Узбекистан, 2009. С. 474-475.

Зевса и Геракла, изображение лучника[84].

Нумизматика дает очень многое для объяснения форм письменности и ее изменений на определенных этапах древности и средневековья, как и денежного обращения. Большой вклад в это внесли работы Э.В. Ртвеладзе[85], который считает, что местная письменность в Средней Азии появилась в I-II вв. н.э., найденные на этой территории надписи охватывают многие сферы жизни государств и владений. Основываясь на результатах нумизматических и археологических исследований, Э.В. Ртвеладзе делит их по характеру содержания на государственные официальные, финансово-налоговые, социальные, вотивно-дарственные, религиозные, личные, строительные, надписи смешанного характера[86].

Характеризуя каждую письменность, возникшую на территории Средней Азии, Э.В. Ртвеладзе отмечает их особенности. Например, говоря о бактрийской письменности, он подчеркивает, что в первые века нашей эры она была более значимой, чем согдийская. Основываясь на находках, указывающих время существования кушанских царей, он утверждает, что она была официальной письменностью Кушанского государства и относит к I в.н.э., когда возникли и другие письменности Среднеазиатского Двуречья – хорезмийская и согдийская.

Известные сейчас бактрийские надписи Э.В. Ртвеладзе делит на 3 группы: эпиграфические, нумизматические и граффито. Это относится и к другим письменностям, формировавшимся в регионе. География находок – свидетельств бактрийской письменности: Северная Бактрия – Кара Камар (пещерный комплекс), городища Кампыр-тепе, Старый Термез, Кара-тепе, Фаяз-тепе, Айртам и др[87].

Особо следует сказать и о таком известном в этой области ученом, как В.А. Лившиц[88]. Он внес большой вклад в изучение бухарской,

[84] Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СТЕ. Вып. XXII. - Л., 1973. С. 43-49.

[85] Ртвеладзе Э.В. Новые надписи малоизвестным письмом из Северной Бактрии // Адабий мерос. 1(67)-2 (68), 1998. С. 20-25; Он же. Кушанская крепость Кампыр-тепа // ВДИ. 1984. № 2; Ртвелдзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. – Т.: Адолат, 2005. С. 90-123; Ртвеладзе Э. Цивилизации, государство, культура Центральной Азии. – Т.: УМЭД, 2005. С. 136-162; История государственности Узбекистана. С. 467-491.

[86] История государственности Узбекистана. С. 431.

[87] История государственности Узбекистана. С. 480-481.

[88] Лившиц В.А. Два согдийских документа с горы Муг//ВДИ, 1960, №2; Он же. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии // Согдийские документы с горы Муг.Вып.2. М., 1962; Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ, 1964, № 3; Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе в Старом Термезе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. - М., 1969; Он же. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. - М., 1974; Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. - М., 1981; Лившиц В.А. Предводитель Чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах // ЗВОРАО, Т.2, (XXVII). - Спб., 2006 и др.

хорезмской, согдийской, тохаристанской и чачской нумизматики[89]. Многое из легенд на монетах этих регионов древнего Узбекистана впервые прочитаны и интерпретированы В.А. Лившицем. В результате этого историки получили в свое распоряжение первоклассные источники, прежде всего, совершенно неизвестных сведений, а если и известных, то приведенных в письменных источниках с искажениями. Например – список хорезмийских царей из династии Вазамаридов (Афригидов), приведенный Абу Райхоном Беруни, исправлен и дополнен В.А. Лившицем благодаря прочтенным им древнехорезмийским легендам на монетах.

Подробные характеристики местных письменностей даны в монографии А.А. Аскарова «История происхождения узбекского народа», изданном в 2018 г[90]. Раздел этой книги носит общепознавательный характер и не снабжен научным аппаратом. Также как и другие авторы, он считает, что парфянская, хорезмийская, бактрийская, согдийская письменности возникли на основе арамейской. В отличие от Э.В. Ртвеладзе, А.А. Аскаров не упоминает семитскую письменность в качестве основы местных письменностей. Он считает, что возникновению древнетюркского письма дала толчок согдийская письменность.

Говоря о хорезмийской письменности А.Аскаров приводит данные о находках с образцами хорезмийской письменности на городище Койкрылган кала IV- начала III века. Это наводит на мысль о том, что хорезмийская письменность возникла позже даты, установленной Э.В. Ртвеладзе. Дату возникновения парфянской и бактрийской письменности А. Аскаров относит к III-II вв. до н.э[91]. Он отмечает, что бактрийская письменность получила широкое распространение с приходом к власти кушан.

Археология располагает большим количеством свидетельств о распространении согдийской письменности не только в Согдиане, но и в Ферганской долине, Ташкентском оазисе и Семиречье[92]. А. Аскаров приводит данные археологических исследований, свидетельствующих о том, что согдийские серебряные монеты выходили на мировой

[89] Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ, 1964, № 3; Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе в Старом Термезе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. - М., 1969; Он же. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. - М., 1974; Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. - М., 1981; Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь1979. Ч. 1(2). - М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 76-85 и др.

[90] Аскаров А. История происхождения узбекского народа. - Т: Узбекистан, 2018. 661с.

[91] Там же. С.128-130.

[92] Там же. С. 130.

рынок, когда торговые караваны согдийских купцов доходили до самых отдаленных краев юго-востока Зауралья, в бассейн Енисея и Ангары, Южной Сибири, севера Китая и Монголии[93].

О развитии согдийской письменности свидетельствуют и документы с горы Муг, найденные в 1932-1933 гг., а также на Афросиабе. Об этом свидетельствуют согдийские «старые письма», так называются письма, отправленные согдийскими коммерсантом от их контрагентов, совершавших торговые сделки в Китае. По мнению В.А. Лившица они являются самыми ранними согдийскими рукописными текстами. Они написаны на китайской бумаге и были найдены Аурелом Стейном в 1907 г. в развалинах сторожевой башни китайской стены. Шесть писем сохранены полностью, 3 - фрагментарно. Находятся они в Британской библиотеке в Лондоне[94] Их датировка относится к 307-311 гг. К середине III в. н.э., по мнению Э.В. Ртвеладзе, относится и согдийская легенда на монетах правителей Чача, которая гласит «правитель чачского народа»[95].

Говоря о хорезмийской письменности А.Аскаров не выделяет, к сожалению, роли Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и ее руководителя С.П. Толстова, которому принадлежит приоритет в выявлении древнехорезмийской письменности и первой расшифровке легенд на монетах, написанных этой письменностью[96]. Подлинное понимание самой письменности стало возможным после находки в 1948-1949 гг. архива хорезмийских документов при раскопках Топрак-калы, где было найдено множество документов на коже, деревянных палочках, дощечках. Доступны для чтения стали 8 документов на коже и 20 – на дереве. Их первое чтение было осуществлено С.П.Толстовым и исправлено В.Б. Хеннингом[97]. Позднее В.А. Лившиц сделал их публикацию с чтением и переводом[98]. Археологические исследования в последние десятилетия привели к открытию новой письменности, получившей название «неизвестное письмо». Оно стало достоянием науки после того, как Ж.Фюсман определил, что трилингва из Дашти-Навура, наряду с кхароштхи и бактрийской, содержит надпись, выполненную неизвестным письмом.

Он также выявил подобные надписи на известковой плите из Сурх-Катана и глиняном черепке из Халчаяна[99]. Позднее В.А. Лившиц отметил наличие надписей таким же письмом в остраках из Фаяз-тепе и в Старом

[93] Там же.
[94] Лившиц В.А. Согдийские «старые письма» ...
[95] История государственности Узбекистана.... Т.1. С, 478.
[96] Толстов С.П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит// ВДИ. № 38. № 415.
[97] История государственности Узбекистана... С. 487.
[98] Лившиц В.А. Документы.Топрак-кала. Дворец. - М., 1984.
[99] История государственности Узбекистана... С. 484.

Мерве. Более архаичный вариант этого же письма, как он считал, был на серебряной чаше V в. до н.э. Иссыкского кургана[100]. Французский исследователь П. Бернар опубликовал надпись на серебряном слитке из Ай-Ханума, близкого к надписям «неизвестного письма»[101]. Подобные надписи были найдены и в Кара-тепе, Хатын Рабаде, а также Коштепа, Кампыр тепа и Старом Термезе[102].

Существует несколько мнений о характере это письма. Так, Ж. Фюсман предполагает, что оно отражает древнее население Джагоды. П.Бернар считает, что язык айханумской надписи – бактрийской. В.В. Ветроградова считает, что структура письма близка к арамейскому письму кхарошти[103]. Э.В. Ртвеладзе выражает твердую уверенность в том, что именно Бактрия была основным центром бытования неизвестной письменности, являясь также одной из трех официально признанных в Кушанской империи[104]. А.С. Омонджолов выражает мнения о том, что «неизвестное письмо» принадлежит к тюркской письменности[105]. К сожалению, в последние годы эта тема остается вне поля исследований археологии.

А.А. Аскаров в своей монографии выделяет и древнетюркскую письменность, отмечая, что найденны 300 памятников тюркской письменности, первые находки которых были сделаны на берегах рек Енисея и Орхона и названы «орхоно-енисейскими руническими письменами». Он определяет ареал её распространения Сибирью, Северной Монголией, Восточной Европой, Восточным Туркестаном, Средней Азией и восточным побережьем Черного моря.

А. Аскаров, опираясь на проводимые материалы по данной теме А.С. Оманджолова, а также на сведения Б.Х. Матбабаева о находке в Ферганской долине 30 образцов тюркской письменности, предполагает, что зарождение ее в Центральной Азии приходится на 1 тыс. до н.э[106].

Однако в книге нет характеристик ее структуры, содержания и памятников, где они были найдены. Достаточно значительным вкладом в историографию проблемы стала монография М.М. Исхакова «Центральная Азия в системе мировой и письменной культуры», изданная в 2008 г. под ред. В.А. Лившица. Эта первая работа, содержащая

---

[100] Лившиц В.А. Надписи из Дальберджина // Древняя Бактрия. - М., 1976. С. 176.

[101] Bernard P. Campagne de fouile 1978 a. Ai Khanoum Afganistan // AIBL. 1980. P.437-444; Fussman G. Documents épigraphiquesKouchans// Bulletin de l'ÉcoleFrançaised'Extrême Orient. Paris. 1974. P. 1-66.

[102] История государственности Узбекистана... С. 485.

[103] Ветроградова. В.В. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе// Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1982. С. 161-168.

[104] История государственности Узбекистана... С. 485.

[105] Омонджолов А.С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письмен¬нос¬ти. - Алма-ата, 1975. С. 61-6.

[106] Аскаров А.История происхождения узбекского народа. – Т.: Узбекистан, 2018. С. 133.

помимо исторического языковедческий анализ письменных систем и письменной культуры Центральной Азии в эпоху древности и раннего средневековья[107]. Несмотря на такое название, автор сосредоточил внимание в основном на согдийской письменности, сделав экскурс в историю развития арамейского письма предшествующей согдийской. М.М. Исхаков рассмотрел согдийские письменные памятники как источник для исследования истории общественно-политической и культурной жизни домусульманской Центральной Азии. Он относит уйгурскую и монгольскую письменности к согдийской. Впервые в данной книге прослежена общность графических основ согдийской, хорезмийской и парфянской письменности[108]. Следует подчеркнуть, что в монографии делается акцент на историю сложения и развития буквенно-фонетических письменных систем и рассматриваются узловые проблемы графического развития местных письменностей, включая вопросы письмотворческих процессов на трассах Великого Шелкового пути.

В целом, изучение истории письменности, касающейся центральноазиатского региона происходит периодически. Пожалуй, работа М.М. Исхакова представляет собой первое специфическое издание, написанное в историко-языковедческом контексте. Обобщающих комплексных трудов по этой теме до сих пор нет, хотя историография проблемы располагает большим количеством статей и частей разделов исторических монографий, в которых кратко преподносится история формирования и развития письменности. К сожалению, в ней нет сравнительного анализа местных письменностей, их различия особенностей и взаимовлияния, нет и анализа проблем письменного общения населения различных регионов Центральной Азии между собой, в частности, торговых сделках. Создание такого труда в свете новых письменных и археологических находок остается актуальным.

Заключение.

Изучение историографии институтов государственности в древний и античный периоды истории Узбекистана невозможно без представлений о картине археологических исследований на территории Узбекистана, которые многомерны и проводятся в различных регионах. Это является непременным условием для полноценного анализа проведенных работ.

---

[107] Исхаков М.М. Центральная Азия в системе мировой и письменной культуры. – Т.: Университет мировой экономики и дипломатии, 2008.

[108] Исхаков М.М. Центральная Азия в системе мировой и письменной культуры. С. 85-96.

Другим важным компонентом знаний проблемы государственности является представление об основных письменных источниках, которые являются основополагающим условием для рассуждения о формах и типах государств, возникших на территории Узбекистана и, в целом, на территории Центральной Азии.

Немаловажным является и вопрос о периодизации истории государственности, в том числе внутренней, т.е. вычленении этапов внутри одного периода, в данном случае – древнего и античного. К сожалению, на сегодняшний день мы не можем похвастаться достаточным количеством работ по данной проблеме.

Историография институтов государственности в древний и античный периоды чрезвычайно многомерна и имеет много направлений. Среди них особо изучаемыми являются: социально-экономические институты, состояние экономики в том или ином государстве, титулатура правителей, как важный источник, несущий сведения о формах правления и рангах подчинения. Изучаются такие темы, как денежное обращение и письменность, как важнейшие признаки уже развитого государства.

Однако, рассмотренные исследования, касающиеся институтов государственности, далеко не полно отражают весь круг проблем. Остаются неосвещенными или малоизученными такие институты, как фискальная система, армия, территориальные границы государств и административное деление, их правовые основы, система управления, международный статус, духовные и идейные основы. Надо сказать и о том, что ни одно их этих направлений не имеет обобщенного выражения в виде монографий. Историография рассыпана в многочисленных статьях и главах книг, посвященных различным проблемам истории и археологии Центральной Азии. Исключение составляет монография «История государственности Узбекистана. Вторая половина II тысячелетия до нашей эры - III век нашей эры» (Том I) (Ташкент: “Узбекистан”, 2009), где институты государственнности получили целенаправленное освещение и в котором впервые раскрыты методологические вопросы истории государственности.

Следует отметить и отсутствие историографических работ в этой сфере, что, конечно же, не способствует выявлению «белых пятен» и невыясненных аспектов истории государственности. Между тем, наличие большого массива литературы по данной теме вызывает необходимость скрупулезного ее анализа, систематизации и проведения своеобразного «аудита», что непременно приведет к выявлению новых показателей по истории государственности Узбекистана и, в целом, по истории Центральной Азии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bernard P. Campagne de fouile 1978 a. Ai Khanoum Afganistan // AIBL. 1980. P.437-444.
2. Bernard P. Fouillesd'Aikhanoum // MDFA, TXXI, Paris, 1973.
3. Bernard P. Les monnaies hors tresors. Questions d'histoiregreco-bactrienne || MDAFA. TXXVIII. Paris, 1985.
4. Fussman G. Documents épigraphiquesKouchans // Bulletin de l'ÉcoleFrançaised'Extrême Orient. Paris. 1974. P. 1-66.
5. Henning W.B. Additional notes on Early coinage of Transoxiana // American numismatic Society. Museumnotes. VII. NewYork, 1957.
6. Henning W.B. Mitteliranish // Handbuch der orientalistik. B.d. IV: Iranistik. Ab. I; Leiden-Koln, 1958.
7. Адрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
8. Аскаров А.История происхождения узбекского народа. Т.: Узбекистан, 2018.
9. Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизация эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986.
10. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
11. Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980.
12. Бирюков Д.В. У истоков денежного обращения Средней Азии // НЦА. 1. Т., 1995. С. 5-18.
13. Буряков Ю.Ф. Генезис и эпоха развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982.
14. Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового плана. М., 1974.
15. Вайнберг Б. И. Древний Хорезм. М., 1977.
16. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1975.
17. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
18. Вайнберг Б.И.. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV- Vвв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в старом Термезе. М., 1972.
19. Ветроградова. В.В. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1982.
20. Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (Некоторые социальные аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 84-85.
21. Горбунова Н.Г. Фергана в Кушанское время // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
22. Горбунова Н.Г., Ивочкина Н.В. Монеты у-шу из могильников Ферганы // Сообщения ГЭ. Л.: «Искусство», 1988. Вып. 3.
23. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. 313 с.
24. Дальверзин-тепе Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. 238 с.

25. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
26. Древняя Бактрия. М., 1976.
27. Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. (образцы документов) // ВДИ. 1960. № 2. С. 14-28.
28. Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1.
29. Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрогор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С, 4-18;
30. Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 1954.
31. Дьяконов, И. М.Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. Москва-Ленинград: Акад. наук СССР, 1951.
32. Заднепровский Ю.А. Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
33. Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
34. Зеймаль Е.В. Парфия и Греко-Бактрийское царство // История древнего мира. Т. 2. М., 1982.
35. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Транскоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность, раннее средневековье. Л., 1978.
36. Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СТЕ. Вып. XXII. Л., 1973. С. 43-49.
37. Зеймаль Е.В.. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
38. История государственности Узбекистана. Вторая половина II тыс. д.н.э. – IIIв.н.э. Т.1. Т.: Узбекистан, 2009.
39. История Иранского государства и культуры. М., 1971.
40. История Узбекской ССР. Т.1. Т.: Фан, 1967.
41. Исхаков М.М. Центральная Азия в системе мировой и письменной культуры. Т.: Университет мировой экономики и дипломатии, 2008.
42. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Т.,1977.
43. Кошеленко Г.А. Заключение к кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
44. Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в античную эпоху // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Т., 1979. С.56-57.
45. Лившиц В.А. Два согдийских документа с горы Муг // ВДИ, 1960, № 2.
46. Лившиц В.А. Документы // Топраккала. Дворец. М., 1984.
47. Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепа в старом Термезе // Буддийские пещеры Кара-тепе в старом Термезе. М., 1969. С. 55-73.

48. Лившиц В.А. Кругликова И.Г. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дальверзина // Древняя Бактрия. М., 1979.
49. Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
50. Лившиц В.А. Предводитель Чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах // ЗВОРАО. Т.2 (XXVII). Спб., 2006.
51. Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь1979. Ч. 1(2). М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 76-85.
52. Лившиц В.А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии // Согдийские документы с горы Муг. Вып.2. М., 1962.
53. Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 155-176.
54. Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
55. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1967.
56. Мамбетуллаев М. Хум с городища Айбукир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1979. № 1. С. 46-48.
57. Мандельштам А.М. К предкушанскому чекану Бактрии // ЭВ. № 27. 1966. С. 85-91.
58. Массон В.М. Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. 1955. № 2.
59. Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. Вып. 11. 1956. С. 63-75.
60. Массон В.М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1953. № 3. С. 167-169.
61. Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1917 – 1927 гг. // Известия Средазкомстариса. Вып. 3. Т., 1928.
62. Массон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЕ. Т. V. Ашхабад, 1955.
63. Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. 1973.
64. Мокробородов В.В. История и основные проблемы археологического изучения Средней Азии «Ахеменидского» времени (на примере территорий юга современного Узбекистана) // «Проблемы истории, филологии, культуры». Москва–Магнитогорск–Новосибирск. 2015. № 1. С. 99-123.
65. Мусакаева А.А. Монеты Гиркода // ИМКУз. Вып. 34. 2004. С. 76-87.
66. Мухаммеджанов А.Р. К истории ирригации в Кушанскую эпоху // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
67. Мухаммеджанов А.Р., Адылов Ш.Т. Городские памятники низовьев Заравшана в IV – VIII вв. // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Т., 1987.

68. Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981.
69. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // Труды ХАЭЭ. М., 1976. Т.Х. С. 211-213.
70. Омонджолов А.С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Алма-ата, 1975. С. 61-6.
71. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Т.: Адолат, 2000.
72. Периханян А.Г. Общественное право Ирана в Парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
73. Пилипко В.Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад: Ылым, 1975.
74. Пугаченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Т., 1990.
75. Пугаченкова Г.А. Привозные художественные изделия на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Т., 1990.
76. Пугаченкова Г.А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 250-261.
77. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древности и средневековья. М., 1982.
78. Пугаченкова Г.А., Ртveладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Т., 1990.
79. Рапэн К. Эллинистическая сокровищница Ай-Ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Т., 1987.
80. Ртveладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.
81. Ртveладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т., 2002.
82. Ртveладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Т., 1987. 182 с. (на узб., рус., англ. языках).
83. Ртveладзе Э.В. Историческое прошлое Узбекистана. Т.: Санъат, 2009.
84. Ртveладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III-середины VII в.н.э.). Т., 2006.
85. Ртveладзе Э.В. К истории денежного обращения в Западном Согде (Клад подражаний тетрадрахмам Евтидема из Бухары) // ОНУ. № 6. С. 35-38 (совместно с А. А. Мусакаевой).
86. Ртveладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыр-тепа // ВДИ. 1984. № 2.
87. Ртveладзе Э.В. Модели генезиса монетной чеканки в среднеазиатском междуречье // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Т., 1990. С. 176-187.
88. Ртveладзе Э.В. Монеты Кеша (Киша) III-II вв. до н. э. – VIII в. н. э. // ОНУ. № 6. С. 43-49.

89. Ртвеладзе Э.В. Новые надписи малоизвестным письмом из Северной Бактрии // Адабий мерос. 1(67)-2 (68). 1998.С. 20-25.
90. Ртвеладзе Э.В. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары (Предварительное сообщение) // ОНУ. № 6. С. 54-58 (совместно с М.И. Ниязовой).
91. Ртвеладзе Э.В. Селевкидские монеты из Кампыртепа // ОНУ. № 2. С. 47-49.
92. Ртвеладзе Э. Цивилизации, государство, культура Центральной Азии. Т.: УМЭД, 2005.
93. Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государство, культура Центральной Азии. Т., 2008.
94. Ртвеладзе Э.В. Южно-согдийские монеты династии Абтата с изображением Геракла и Зевса // Шахрисабз шаҳрининг жаҳон тарихида тўтган ўрни. Т., 2002.
95. Ртвелдзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Т.: Адолат, 2005.
96. Сагдуллаев А.С. Особенности оседлого расселения в Южном Согде в эпоху античности // Городская культура Бактрии и Согда. Т., 1986. С. 131-134.
97. Сайко Э.В. Становление города как производственного центра (Формирование экономической основы ремесла. Средняя Азия). Душанбе, 1973. 112 с.
98. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949-1956 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1963.
99. Смирнова О.И. Очерки истории из истории Согда. М., 1970.
100. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент: «Фан», 2000.
101. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
102. Толстов С.П. Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ. 1938. С. 4-5.
103. Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // СЭ. 1964. № 2.
104. Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Т., 1983.
105. Филанович М.И. Царская власть и административно-государственный аппарат // История государственности Узбекистана... Т.1. С. 274-283.
106. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002.
107. Фридрих И. История письма. М., 1979.
108. Хорезм в истории государственности Узбекистана. Т.: Ўзбекистон файласуфлари миллий жамиати, 2013.
109. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Автор текста и составитель Г.А. Пугаченкова. Л., 1978.
110. Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР

Аннотация

В статье анализируется процесс утверждения советской политической системы в Туркестане, которая еще на начальном этапе своего утверждения имела явные признаки тоталитарной государственности. Красная гвардия, Красная армия, краевые советы, Компартия Туркестана стали теми организациями, которые заложили основу советской государственности в крае. Российское большевистское руководство непосредственно управляло этими процессами через созданные им такие политические институты, как Туркомиссия, Туркбюро.

Б. Пасилов –

к.и.н, доцент ТДПУ им. Низами.

Ключевые слова

Туркестан, местное население, большевики, диктатура пролетариата, советская политическая система, Компартия Туркестана, тоталитаризм, Туркомиссия, Туркбюро, ВЧК, ревкомы.

Abstract

The article analyzes the process of establishment of the Soviet political system in Turkestan, which from the very beginning showed clear signs of totalitarian statehood. The Red Guard (krasnaia gvardiya), the Red Army (krasnaia armiya), the regional soviets (kraevie soveti), the Communist Party of Turkestan

(KPT) became the organizations that laid the *foundations of Soviet statehood in the region. The Russian Bolshevik leadership directly supervised these processes through the political institutions it created, such as the Turkestan Commission (Turkkomissiya) and the Turkestan Bureau (Turkbiuro).*

Keywords

Turkestan, local population, Bolsheviks, dictatorship of the proletariat, Soviet political system, Communist Party of Turkestan, totalitarianism, Turkic Commission, Turkburo, Cheka, revolutionary committees.

Колонизация Средней Азии Российской империей и ее колониальная политика в Туркестане в конечном итоге превратили этот регион в объект геополитических интересов большевиков и их доктрины экспорта революции на Восток. После большевистского переворота и насильственного установления советской власти в Петрограде (25 октября 1917) политическая ситуация в Туркестане резко ухудшилась и приобрела противоречивый характер. Контролируемые советским правительством туркестанские большевики попытались насильственно свергнуть Временное правительство и захватить власть.

После свержения Временного правительства в Туркестане (ноябрь 1917 г.) начался процесс создания советской политической системы в регионе. В первые дни после установления советской власти в Ташкенте Туркестанское большевистское руководство было плохо информировано о политике ЦК РКП(б) и часто не понимало ее. Захват власти большевиками в Туркестане еще больше усилил колониальный гнет русских и армян над коренными народами региона. Советские декреты “сводилась на местах к простому грабежу”[1].

Несмотря на протест «контрреволюционной» оппозиции, которые выступили против хаоса и насилия, творимыми большевиками, чтобы придать легитимный статус советскому правительству, большевики 1522 ноября 1917 года созвали III съезд Советов. На этом съезде они потребовали передачи власти Советам, и под их давлением была принята декларация о власти, отражавшая политические амбиции большевистской партии[2].

В этой декларации было заявлено, что “Признавая существующую центральную власть и форму ее организации, объединенная фракция большевиков и максималистов считает высшим краевым органом власти Краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который отныне именуется Советом Народных Комиссаров Туркестанского края...”[3].

[1] Сафаров Г. Туркестан//Правда. 1920. 19 июня.
[2] История Узбекской ССР. Том II . – Т.: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1957. С. 46.
[3] Цитируется по: История Узбекской ССР. Том II... С.46.

Решение III съезда Туркестанских краевых советов обозначило первоначальные цели партии большевиков страны, стремившейся монополизировать политическую власть и установить тотальный контроль над обществом. Кроме того, они категорически отказались включать в высшие органы власти представителей оппозиции («оборонческих групп»), как стоящих на «стороне буржуазии».

В этом документе также нашла свое выражение шовинистическая позиция большевиков Туркестана, которые хотя и заявляли, что к активной работе можно привлекать большие слои населения, а также можно созывать съезды "местных представителей, даже мусульман". Однако, в то же время большевистская фракция предлагала не включать представителей местного коренного населения в орган высшей революционной власти края. Свою позицию они обосновывали тем, что "среди местного населения отсутствует классовая пролетарская организация". На этом съезде также был поставлен вопрос и о советской автономии края[4].

На съезде был избран Совет Народных Комиссаров, большинство которого составляли большевики, в его состав также вошли максималисты и «левые» эсеры. Первое советское правительство Туркестана направило в Петроград телеграмму, в которой ставило перед собой задачу осуществить все постановления Центрального Советского правительства, пытаясь убедить Совет Народных Комиссаров России, заявляя, что местное советское правительство «полностью поддержало бы» интересы Центра. Видно, что первое советское правительство в Туркестане, состоявшее в основном из местных большевиков, с самого начала ставило интересы большевистской России на первое место и пыталось согласовать свою деятельность с ее политическими интересами.

Чтобы полностью захватить политическую власть в Туркестане, большевики разорвали союз с меньшевиками и левыми эсерами, выступавшими против передачи власти Советам, и начали формировать свои самостоятельные большевистские организации. В результате, в ряде городов Туркестана, в том числе в Ташкенте, Самарканде, Намангане, Кагане, Джизаке, Коканде, одновременно начали формироваться организации большевисткой партии, которые не имели единого партийного центра в регионе.

Такие организации, как краевые съезды продовольственных комитетов и городских самоуправлений, профсоюз торгово промышленных служащих, выступили против незаконной деятельности большевиков. Работники почты и телеграфа объявили забастовку. Протесты такого

[4]История Узбекской ССР. Том II... с. 46-47; См. также: Азиз Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. – Фрунзе: Издательство Комитета наук при СНК Киргизской ССР, 1941. С. 51.

рода прошли во многих городах, где некоторые слои населения открыто выступили против большевиков. Например, в декабре 1917 года на Втором краевом съезде служащих почтовотелеграфных учреждений, проходившем в Чарджоу, была принята резолюция о непризнании советской власти и служащие этой организации объявили забастовку.

Для подавления забастовок и открытых протестов населения против советской власти, местные большевики применяли жёсткие и незаконные меры. Чтобы подавить антисоветские выступления, больше вики закрыли краевую почтово телеграфную контору и установили вооруженную охрану почты и телеграфа, а также объявили, что законные требования служащих является “изменой революции”. Насильственно была расформирована Ташкентская школа прапорщиков, которая также активно выступала против советской власти. Вслед за этими мерами советское правительство края объявило забастовку служащих почтовотелеграфных учреждений как “контрреволюционное выступление” против советской власти. Большевики, прикрываясь именем трудящихся, которые якобы “требовали” установить порядок и дисциплину, объявили работу в государственных учреждениях” обязательной трудовой повинностью”. А те служащие, которые не подчинялияь этим требованиям, предавались суду, как “враги революции и народа”. Мирное сопротивление оппозиции было подавлено большевиками и лидеры меньшевиков – эсеров и партии кадетов были арестованы[5].

Для того чтобы усилить свою политическую власть большевикам необходимо было создать вооруженные отряды. Так, на заседании Исполнительного комитета Ташкентского совета 6 декабря 1917 года были рассмотрены заявление профорганизации завода Емельянова и Сорокина “о создании красной гвардии», а также вопрос “о скорейшей организации красной гвардии в рядах товарищей рабочих-мусульман”. Таким образом, подавая свои планы по укреплению своей власти как желание трудящихся (в основном европейского населения города), большевики приступили к созданию вооруженных отрядов, которые, по их мнению, “представляли собой сознательную вооруженную силу рабочего класса в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата”[6]. В результате были созданы отряды красной гвардии[7] и красной

[5] История Узбекской ССР. Том II... сс . 49-50.

[6] Там же. С. 50.

[7] Слушатель Николаевской военной академии капитан Безобразов, который бежал из советского Туркестана в белогвардейский Сибирь через Индию, в своем докладе (он был опубликован российским исследователем Л.А. Молчановым) начальнику разведывательного отдела штаба верховного главнокомандующего в гражданской войне в Туркестане отмечает, что “почти в каждом городе есть красная гвардия и красная армия. Первая состоит исключительно из преданнейших рабочих и мадьяр. Прекрасно вооружена, одета и обута. Пользуется даже лучшей пищей и неограниченной свободой действия. Бывали случаи убийства самих комиссаров. И сами комиссары боятся красной

армии[8] в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, а также на крупных железнодорожных станциях, преимущественно из рабочих железнодорожников. Таким образом, эти вооруженные отряды, созданные для “укрепления диктатуры пролетариата”, стали одним из первых органов советской тоталитарной государственности в Туркестане.

В тоже время, наряду с организацией вооруженных отрядов, большевики создавали и другие советские органы. Так, 12 декабря 1917 года СНК Туркестанского края издал приказ об упразднении старых судебных учреждений окружных судов, судебных палат, военных судов и др., и вместо них были созданы революционные народные суды, “образуемые на основе демократических выборов” для подавления сопротивления “эксплуататорских классов” и укрепления диктатуры пролетариата.[9]

В конце 1917 начале 1918 года были распущены «буржуазные» городские думы в Ташкенте, Самарканде, Намангане и других городах, как «контрреволюционные организации». Национальные политические партии и организации «Шурои уламо», «Шурои исломия» и другие также были распущены. Большевики предприняли атаку и на другие институты демократии и свободы слова. По распоряжению СНК края были закрыты органы “буржуазной” печати газеты “Туркестанские ведомости”, “Туркестанское слово”, “Туркестанский курьер”. Наряду с ними также были закрыты газеты и журналы, которые издавались на местных языках, в том числе «Улуг Туркистон», «Изох», «Изхор ульхак» и другие, так как на их страницах продвигались альтернативные идеи по обустройству общества.[10]

Центр непосредственно руководил созданием карательных органов в Туркестане. В декабре 1917 года в России были созданы

гвардии, потому что они бессильны перед ней. В красной гвардии круговая порука, а потому они, чтобы не отвечать за других, восстают все до одного. На митингах часто слышны такие заявления комиссаров: “Мы сами находимся как на бочке с порохом” или “Мы создали красную гвардию на свою голову” и прочее. Красная гвардия подчиняется исключительно советам, никакой организации не имеет. Состоит красная гвардия из отдельных отрядов с выборными начальниками во главе. Назначение красной гвардии - охрана советской власти. Поручения же она выполняет самые разнообразные: реквизиции, подавление беспорядков, расстрелы и прочее”. Настоящий доклад хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, ф. 176, оп. 14, д. 203, лл. 1–9 об.) См.: https://cyberleninka.ru/article/ n/v-turkestane-sovetskaya-vlast-ustanovila-nebyvalyy-do-sih-por-natsionalnyy-gnet/viewer

[8]В своем докладе капитан Безобразов, давая характеристику красной армии, указывает, что она “формируется из добровольцев по вольному найму. Полки устроены по образцу старых русских полков. Офицерский состав состоит из красных офицеров, выпущенных из красных школ, и просто из бывших выборных начальников. В красную школу может поступать кто угодно, даже без всякого образования”. См.: https://cyberleninka.ru/article/n/v-turkestane-sovetskaya-vlast-ustanovila-nebyvalyy-do-sih-por-natsionalnyy-gnet/viewer

[9] История Узбекской ССР. Том II... С. 51.

[10] Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Т., Шарқ. 2000. 73 Б.

революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии «для борьбы с контрреволюцией, мародерством и спекуляцией». На этой основе была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), которая, по выражению лидера большевистской партии В. Ленина, «стала острым оружием против бесконечных убийств и заговоров, направленных против Советской власти».

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский направил телеграмму в Ташкент с требованием и указанием создать при советах “отделы по борьбе с контрреволюцией”. Эта телеграмма, вместе с поступившим в те же время “Положением о Московском революционном трибунале” была обсуждена на заседании Ташкентского совета. Несмотря на то, что меньшевики выступили против этого положения, Ташкентский совет принял предложение большевисткой фракции о его применении в Ташкенте и в крае в целом.

На основании “Положения о Московском революционном трибунале” были организованы две комиссии – по борьбе с контрреволюцией и по борьбе с мародерством и спекуляцией. В начале марта 1918 года Народный Комиссариат юстиции Туркестанского края циркулярной телеграммой предложил местным советам немедленно приступить к организации революционых трибуналов с двумя следственными комиссиями. Комиссариат юстиции обязал предавать суду революционного трибунала всех “контрреволюционеров, саботажников, спекулянтов и мародеров” [11].

Таким образом, была заложена юридическая основа для боль шевисткого произвола и насилия не только над оппоционно настроен ной частью общества, но также и над теми, которые в начале строитель ства основ советской государственности сотрудничали с ними меньшевиками, эсерамимаксималистами и др. Более того, практика произвола и насилия в дальнейшем стала основным методом политики большевиков в подавлении антисоветских выступлений, а также в уничтожении внутрипартийной оппозиции. Например, ЦК РКП (б) в своем постановлении “Об основных задачах РКП в Туркестане” от 29 июля 1920 года предлагал “выслать из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, красной армии и т.д.”[12].

Следует отметить, что в некоторых вопросах создания советских тоталитарных институтов власти, действия местных большевиков были “не менее эффективными”. Так, 18 (5) января 1918 года было

[11] История Узбекской ССР. Том II… сс.59-60.

[12] Житов К., Непомнин В. От колониального рабства к социализму. – Т.: Партиздат ЦК КП(б) Уз. , 1939. сс. 63-64.

издано постановление СНК Туркестанского края о создании Рабоче-крестьянской Красной армии, то есть через три дня после утверждения декрета о добровольческой Рабочекрестьянской Красной армии для “защиты от внутренней и внешней контрреволюции”. А один из участников по организации Красной армии в крае В. Березкин утверждает, что туркестанские большевики организовали ее чуть раньше, чем в советской России, то есть до издания декрета СНК РСФСР о добровольческой Рабоче крестьянской Красной армии, который был утвержден 15 января 1918 года[13].

Так, после принятия решения о формировании «добровольческой» Красной армии Туркестанским СНК, всем местным советам края было поручено немедленно приступить к формированию воинских частей, и феврале был создан ее штаб. Как утверждает советская историческая литература, если 2 марта 1918 года был сформирован первый отряд Рабочекрестьянской Красной армии, то через два месяца только в одном Ташкенте в ее ряды вступило свыше полутора тысяч человек[14].

Советские авторы акцентировали свое внимание на том, что Красная армия, которая была “оружием диктатуры пролетариата”, создавалась на классовой основе и в ее ряды принимали в основном представителей пролетариата и полупролетариата, а также крестьян[15]. Однако же, в рядах Красной армии было и немало офицеров, которые раньше служили в царской армии.

Добровольческая Красная армия, состоявшая в основном из европейского населения края, не только вела борьбу с советской оппозицией в крае, но также занималась грабежами и насилием над местным населением. Эти факты указаны и в докладе слушателя Николаевской военной академии капитана Безобразова: “Другую тактику взяли большевики по отношению туземцев в уездах. Тут они в полной мере проявили террор. Они систематически грабили без защитное население, не ограничиваясь реквизицией зерна, скота и других пищевых продуктов, а забирая все ценные вещи: ковры, серебро, золото и проч. Во время этих налетов на кишлаки они свозили за собою целые обозы со спиртом и винами и напивались там, грабили, а обратно на этих же подводах и арбах увозили награбленное. В городе Ош такую банду красноармейцев догнали крестьяне села Узген, разогнали их, а награбленное сожгли на площади города перед казармами. Высланный против них отряд красногвардейцев из города Андижана с пушками и пулеметами не рискнул трогать крестьян и вернулся назад. Во время таких налетов

[13] Березкин В. К 10- летию первого съезда Красной гвардии и Красной армии Туркестана// Революция в Средней Азии. Сборник 2. – Т., 1929. С. 122.
[14] История Узбекской ССР. Том II… С. 60.
[15] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. – Т.: «Узбекистан». 1988. С. 48.

всегда совершались убийства туземцев, совершенно бесцельные. Все это страшно озлобило население вообще против русских, и, наблюдая туземцев, можно заключить, что чаша терпения может переполниться и тогда поднимется общее восстание против русских. И теперь нередко можно встретить на базарах дервишей, открыто проповедующих священную войну против неверных. Их сдерживает только свежее воспоминание о жестоком подавлении восстания 1916 года”[16].

Подобная практика террора Красной армии против местного населения продолжалась и в середине 1920х гг. Отряд Красной армии, отправленный в Чуст для борьбы с участниками вооруженного движения против советской власти, занялся грабежом и отнял 100 тысяч рублей с местного населения. А отправленный в Андижанский район отряд Красной армии вместо борьбы с советской оппозицией, занимался насилием и грабежами местного населения[17].

Большевистские лидеры советской России указывали, что для утверждения советской политической власти в регионах, прежде всего необходимо создать институт советских автономных национальных республик, в том числе и в Туркестане. Один из лидеров большевиков И. Сталин, исходя из решений III Всероссийского съезда Советов, указал, что революция, начатая в центре, распространялась на окраины, особенно на восточные, с некоторым опозданием. Бытовые и языковые условия этих окраин, отличавшихся к тому же экономичской отсталостью, несколько усложнили дело упрочения там советской власти. Поэтому для того, чтобы власть там стала “народной”, а “трудовые массы социалистическими”, необходимы “специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития”. Он также подчеркнул, что необходимо “поднять массы до советской власти”, а их лучших представителей – слить с последней. Но этого можно добиться после создания автономии этих окраин, т.е. организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительских учреждений[18].

Эти аргументы одного из руководителей большевисткой партии раскрывают их истинные намерения, то есть Ленин и его окружение хотели предоставить автономию бывшим колониальным народам не для того, чтобы они стали хозяевами своей территории, а для того, чтобы вовлечь их трудящихся и “угнетенные массы” в процесс “революю-

---

[16] Молчанов Л.А. “В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет”. С. 117.иСм.: https://cyberleninka.ru/article/n/v-turkestane-sovetskaya-vlast-ustanovila-nebyvalyy-do-sih-por-natsionalnyy-gnet/viewer

[17] Березкин В. К. 10- летию первого съезда ... сс.128-129.

[18] ***Сталин И.В.*** **Сочинения. Т. 4. - М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы,** 1947. С. 75.

ционного развития”.

На V Краевом съезде советов Туркестана, состоявшимся в конце апреля 1918 года, были приняты решения, которые оказали негативное влияние на дальнейшую судьбу народов края. “Выражая волю” трудящихся, съезд по предложению большевиков на основе “Декларации прав народов России” провозгласил создание Туркестанской Автономной Советской Республики в составе РСФСР[19].

На этом съезде было утверждено “Положение о Туркестанской Советской Республике Российской Федерации”. Пункты первый и второй этого документа устанавливали государственный строй республики, ее территориальные границы и юридические взаимоотношения с РСФСР:

1. Территория Туркестанского края объявляется Туркестанской Советской Республикой Российской Советской Федерации. В состав Туркестанской республики входит вся страна Туркестана в ее географических границах, исключая Хиву и Бухару.

2. Туркестанская Советская Федеративная Республика, управляясь автономно, признает и координируетсвои действия с Центральным правительсвом Российской Советской Федерации[20].

На этом съезде также был избран высший орган Туркестанской Советской Республики – Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров.

По сути, Туркестанская Советская Республика Российской Советской Федерации была не национальной, а территориальной республикой, потому что большевисткая Россия предоставила автономию не для местного насления, а для определенной территории[21].

Что касается вопроса о формах государственности и ее построении, то руководство большевисткой партии России продемонстрировало это на примере принципа построения Коммунистической партии. Будучи категорически против создания РКП(б) на основе принципа организационно независимой федерации коммунистических партий, она решительно выступала за то, чтобы она была единой централизованной коммунистической партией, управляемой одним центром и имеющей один центральный комитет. Как утверждало политическое руководство большевиков, украинцы, латыши, литовцы и другие национальные коммунистические партии сохранятся, но они будут полностью подчинены ЦК РКП(б), имея лишь права обкомов.[22] Таким образом, принцип организационного построения РКП(б), являющейся политическим «хребтом» советской политической системы, в свою очередь определил принципы построения федеративной политичес-

[19] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях ... С.7.
[20] История Узбекской ССР. Том II... С. 72.
[21] Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет ... 77 Б.
[22] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях ... С. 69.

кой системы, а также советской государственности в Туркестане.

Коммунистическая партия Туркестана (ТКП), сформировавшаяся под непосредственным руководством и контролем российских большевиков, впоследствии стала основной “опорой” советской тоталитарной власти в стране. Она была организационно оформлена как составная часть РКП(б) на I съезде ТКП, состоявшейся в июне 1918 года.

Постепенное утверждение тоталитарного общества в политической системе Туркестана было одним из основных факторов, приведших к утверждению авторитаризма в административной системе, а также усилению контроля Центра над краем.

Руководство большевиков, проанализировав политические и социальные процессы, происходящие в крае в начальный период утверждения советской власти, было вынуждено признать такие негативные явления, как непланомерный и случайный характер законадательства Туркестанской республики, произвол как отдельных учреждений, так и должностных лиц в области законадательства и управления. Более того всякие юридические нормы, декреты, приказы, положения и т.п. игнорировались сверху донизу[23].

Более того, монополия коммунистов на все государственные посты управления краем создала особую замкнутость части советских учреждений от широкой части населения и спекуляцию коммунис тическими учреждениями[24].

Поэтому большевистским руководством, для того чтобы устранить хаос и наразбериху в деле организации государственного управления в крае, было принято ряд мер как то согласовать между собою все местные распоряжения и декреты, кодифицировать их в согласии с декретами ВЦИК, подтвердить единство хозяйства и политики Туркестанской республики совсеми остальными республиками, вошедшими в состав социалистической федерации, а также в основу системы советских учреждений положить принцип советской централизации и т.д.[25].

Принцип устройства советской тоталитарной системы был определен большевиками, при котором осуществлялась координация отношений между большевистской партией и советами, вернее, установление строгого партийного контроля и осуществление руководства над ними было одним из важных принципов советской политической системы, построенной на основе большевистской модели. Поэтому во взаимоотношениях между партийними и советскими организациями большевики жестко требовали неукоснительного внедрения в практику решения VIII ВКП (б).

Большевистская демагогия о том, что “советская власть в отличие от

[23] Там же. С. 47..
[24] Там же.
[25] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях ... С. 71.

власти в буржуазных странах, опирается на самостоятельность рабочей массы" был лишь пустыми словами, высказанные коммунистической партией Туркестана с целью ввести население в заблуждение и установить абсолютную власть большевиков в обществе.

В формировании советской тоталитарной системы классовый прин-цип стал приоритетным, и поэтому коммунистическая партия Туркестана признавала, что, помимо представителей рабочих, в советы должны быть вовлечены беднота и полупролетарии, поскольку "их интересы неразрывно связаны с дальнейшим развитием пролетарской революции".

Большевики Туркестана, следуя этим указаниям центра, видели необходимость "наконецто учесть" это положение в Туркестане, так как, по их мнению, "слой промышленного пролетариата" здесь слишком хрупкий, а уровень "классового расслоения местного населения не достаточен для осуществления диктатуры пролетариата в чистом виде".

Поэтому, для достижения этой цели КПТ выдвигала такие задачи как "связать судьбы бедных мусульманских масс с судьбами революции и вовлечь их в революционную борьбу", а также привлечь их к советскому строительству, заинтересовать их в этом и возложить на них ответсвенность за успешное завершение этого строительства, необходимо привлечь их к советской работе, предоставить возможность занять ответственные советские посты[26]. Следует отметить, что в первые годы советского строительства в Туркестане часть местного населения служила в советских и партийных органах власти края и эта тенденция приобрела более устойчивый характер с укреплением советской власти в крае.

Несмотря на указания большевисткого руководства на то, что "нужно строго следить за тем, чтобы партийные организации не смешивали свои функции с функциями органов государственной власти", на практике в советских органах власти, хотя они и тогда состояли в основном из членов КПТ, прослеживалось тотальное вмешательство в их деятельность со стороны различных большевистких партийных организаций.

"Классовый" состав советов и то, что они состояли преимущественно из "пролетариата, полупролетариата и близких к ним крестьян", вернее, из тех, кто стоял на позиции большевиков и был верен им, был очень важным вопросом для большевисткого режима. Поэтому большевисткое руководство однозначно утверждало, что их управление советами должно выражаться в виде "идейного руководства посредством своих членов, входящих в состав органов советской власти". А для достижения этой цели большевики выдвигали в члены руководящих

[26] Там же С. 63.

коллегий своих наиболее “стойких и преданных товарищей” и таким образом было установлено безраздельное политическое господство большевисткой партии в советах и фактически контроль над ними[27].

Поэтому в дальнейшем в советы избирались прежде всего члены Туркестанской компартии, которые о своей деятельности отчитывались непосредственно перед своим партийним руководствам. Таким образом, такая организация системы власти создала условия для партии большевиков установить тотальное политическое господство над обществом и привело к созданию однопартийной системе власти.

В целях укрепления основ тоталитарной системы большевики создавали чрезвычайные организации, такие как комитеты бедноты (комбеды), революционные штабы, революционные комитеты (рев комы) и использовали их для поддержки своей политической власти, и это приобрело большое значение в первые годы существования и укрепления большевисткого режима. Этим организациям большевики предоставили большие полномочия, и они заменили законодательные и исполнительные органы власти. Одной из таких организаций были ревкомы, которые были организованы в Туркестане весной и летом 1919 года в Ферганской, Самаркандской областях, Андижанском, Кокандском и Наманганском уездах. Они были приспособлены к военным условиям и борьбе с оппозицией. В целом, в Туркестане ревкомы были назначены и действовали в 6 областях, 26 уездах и 477 волостях[28]. Ревкомы, обладавшие почти неограниченными полномочиями, представляли собой чрезвычайный орган, временно созданный на определенном этапе для замены советов, несмотря на то, что они состояли преимущественно из большевиков. Членами ревкомов были в основном члены Туркестанской компартии, назначаемые большевистским руководством, и они единолично решали политические, экономические, социальные и другие вопросы государства.

За время своей деятельности ревкомы придали “пролетарской диктатуре” форму “военнопролетарской диктатуры”, т. е. имели не только военные, но и широкие административнохозяйственные полномочия. Они быстро и в первую очередь удовлетворяли потребности Красной армии и применяли суровые меры наказания против “антисоветских элементов за диверсии”, за “распространение различных провокационных слухов”, брали на учет и конфисковывали частную собственность. А в условиях Туркестана земельноводная реформа проводилась при непосредственном участии ревкомов, и, следует отме тить, что она осуществлялась преимущественно с помощью силовых и

[27] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях ... С. 63.
[28] Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918-1921 гг. – М.: Наука, 1990. С. 79.

репрессивных методов[29].

Во многих случаях ревкомы выполняли также и обязанности судов и непосредственно сами решали судебные вопросы. При ревкомах республики функционировали революционные трибуналы, которые рассматривали "важные государственные дела"[30].

В целях установления строгого контроля за формированием советского режима в Туркестане и непосредственного наблюдения за ним большевисткая Россия создавала политические организации, непосредственно подчиненные Центру, и они руководили деятельностью местных учреждений. Одной из первых таких организаций была Туркомиссия, котора была создана ВЦИК и СНК РСФСР в ноябре 1919 года. В ее задачу входило "установление правильных отношений с народами Туркестана, которое имело для советской России гигантское, всемирноисторическое значение"[31].

Чуть позже, в июле 1920 года, из членов Туркомиссии ЦК РКП(б) создал Туркестанское бюро (Туркбюро), которое являлось ее доверенной "идеологической конторой" в Туркестане. Основной причиной создания этой организации было то, что большевисткое центральное руководство не доверяло местным коммунистическим кадрам. Деятельностью Туркомиссии и Туркбюро руководили М. Фрунзе, В. Куйбышев и Л. Каганович[32].

Москва регулярно отправляла в Туркестан "опытных большевиков" с целью усиления идеологического и политического влияния Туркбюро в крае, а также для контроля "идеологической чистоты" национальных руководящих кадров. Только в 1921 году ЦК РКП(б) направил в Туркбюро 354 коммунистических эмиссара.

В мае 1922 года эта организация была преобразована в Среднеазиатское бюро (Средазбюро) ЦК РКП(б). На него были возложены все обязанности Туркбюро, и в то же время ее идеологическая и политическая сфера влияния еще больше расширилась. Туркбюро и Средазбюро были специальными органами российского большевистского руководства, которые жестко контролировали среднеазиатские республики[33].

Таким образом, политическое руководство советской России уделяло пристальное внимание созданию и укреплению национальных коммунистических партий, а также советской и исполнительной власти в Туркестане, чуть позже и в Узбекистане. Потому что основной

---

[29] Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918-1921 гг. – М.: Наука, 1990. С.174-178.

[30] Там же. С. 120.

[31] Житов К., Непомнин В. От колониального рабства... С. 62.

[32] Там же.

[33] Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет ... 169- 170 бб.

опорой Центра в республиках были подконтрольные национал коммунис тические организации и советские органы власти. В формировании и укреплении советской тоталитарной системы в Туркестане большевики опирались на Красную гвардию и Красную армию, построенные по классовому принципу, а также на ревкомы, которые были одним из чрезвычайных органов тоталитарной системы, созданных боль шевиками и действовавшие в короткий период в истории края.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафаров Г. Туркестан//Правда. 1920. 19 июня.
2. История Узбекской ССР. Том II. Издательство Академии наук Узбекской ССР. Ташкент – 1957.
3. История Узбекской ССР. Том II… сс.46-47; См. также: Азиз Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Издательство Комитета наук при СНК Киргизской ССР. 1941. С. 51.
4. История Узбекской ССР. Том II... сс . 49-50.
5. История Узбекской ССР. Том II… С. 50.
6. https://cyberleninka.ru/article/n/v-turkestane-sovetskaya-vlast-ustanovila-nebyvalyy-do-sih-por-natsionalnyy-gnet/viewer.
7. История Узбекской ССР. Том II.
8. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Т.,Шарқ. 2000.
9. История Узбекской ССР. Том II.
10. Житов К., Непомнин В. От колониального рабства к социализму. Партиздат ЦК КП(б)Уз. Ташкент, 1939. Березкин В.К. 10- летию первого съезда красной гвардии и красной армии Туркестана// Революция в Средней Азии. Сборник 2. Ташкент, 1929.
11. Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент. «Узбекистан». 1988. С. 48.
12. Молчанов Л.А. “В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет”.
13. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. - М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1947.
14. Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях.
15. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет.
16. Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918-1921 гг. – М.: Наука, 1990.
17. Житов К., Непомнин В. От колониального рабства.

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Аннотация

Туркестанский край имеет особое место в современной историографии постсоветских республик, так как данный регион является одним из последних территориальных приобретений Российской империи. Поэтому здесь проводилась своя неповторимая политика в отношении институтовисламаимусульманскогонаселения. Целью статьи является историографический обзор трудов, посвященных политике Российской империи в отношении ислама в Туркестане. Спомощью историко-сравнительного, герменевтического, системного и проблемного методов раскрывается не только содержание исследовательских работ, но и выявляются общие и специфические стороны. Нами рассматривается степень изученности положительных, отрицательных и скрытых аспектов политики игнорирования ислама, а также освещение правового положения вакуфных земель, мусульманских учебных заведений и статуса духовенства в научных трудах. Кроме того, переселенческая политика рассматривается как способ культурной ассимиляции и христианизации мусульман края

Жанибек Акимбек –

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,

Казахстан, Алматы.

e-mail: akimbekzhanibek@gmail.com

Экспертами выявляется, что политика Российской империи в отношении ислама была нестабильной и связана с различными геополитическими факторами. Постсоветские историки рассматривают ухудшение социально-экономических отношений и кризис мусульманских институтов в качестве главных причин Андижанского восстания 1898 года. В заключении подводятся историографические результаты рассматриваемой проблемы, намечаются общие выводы и дискуссионные стороны данного вопроса. Кроме того, указываются проблемные узлы данной темы с целью дальнейшего их изучения.

Ключевые слова: *ислам, Российская империя, Туркестанский край, постсоветская историография, научные взгляды, религиозные институты.*

Abstract

Turkestan has a specific place in the modern historiography of the post-Soviet republics since this region is one of the last territorial acquisitions of the Russian Empire. Therefore, the Russian officials pursued a unique policy regarding the institutions of Islam and the Muslim population here. The purpose of the article is a historiographical review of the works devoted to the policy of the Russian Empire towards Islam in Turkestan. The use of historical-comparative, hermeneutic, systemic, and problematic methods allows for the analysis content of research works and clarifies general and specific aspects of the problem.

We evaluate the extent of research on the positive, negative, and concealed aspects of the policy of ignoring Islam in scholarly literature. Additionally, the paper analyzes the extent to which works cover the legal status of waqf lands, Muslim educational institutions, and the position of the clergy. According to some researchers, the emigration of Russian peasants to Turkestan was used to realize cultural assimilation and the baptism of the Muslim people. Experts dicscover the policy of the Russian Empire towards Islam was unstable and linked with various geopolitical factors. Post-Soviet historians consider the complication of socio-economic relations and the decadence of Muslim institutions as the main reasons for the Andijan uprising of 1898. In the conclusion, the historiographical results of the problem are summed up, general results and disputable sides of the issue under consideration are analyzed. Besides the problematic aspects of the topic under consideration are indicated for the purpose of further study.

Key words: *Islam, Russian Empire, post-Soviet historiography, scientific views, Turkestan, religious institutes.*

ВВЕДЕНИЕ

В условиях господства марксистсколенинской идеологии история народов Центральной Азии рассматривалась с точки зрения диалектического материализма и не придавала серьезного значения исламу как традиционной религии народов Туркестана. В частности, роль доисламских культов была переоценена, а концепция «религиозного синкретизма» получила широкое распространение. В научных трудах представители мусульманского духовенства изображались как сторонники реационной власти самодержавия.

Анализ трудов исследователей постсоветских стран свидетельствует о сформировании новых исследовательских методов и выводов относительно рассматриваемой темы. Авторы фундаментальных исследований отмечают, что политика России в отношении ислама состоит из нескольких этапов (стадий) в связи с влиянием различных факторов и представляет собой сложную по содержанию динамическую систему. Научный обзор исследований историков постсоветских стран показывает, что в демократических условиях ученые поновому подходят к этому вопросу, предлагая новые точки зрения и концепции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Среди российских историков одним из первых обратил внимание на рассматриваемый нами вопрос П. Литвинов. Научная работа исследователя знаменует собой отход от марксистско-ленинской традиции и дает качественно новую оценку религиозной политике Российской империи в Туркестанском крае. Ученый критически подходит к вопросу о том, что был союз монархии и реакционного духовенства, который вписывался в рамки «классовой теории». Литвинов считает, что основной целью политики фон Кауфмана по игнорированию ислама было отстранение мусульманского духовенства от управления краем и лишение его политического влияния среди населения. Автор делает вывод, что эффективность политической доктрины в регионе начала вызывать сомнения еще во время управления краем фон Кауфманом. Инициатива местной русской администрации по включению строительства мечетей в сферу имперского законодательства не была поддержана правительством, так как Санкт-Петербург опасался обострять отношения с местными мусульманами.[1]

Особое место в российской историографии занимают труды профессора Д. Ю. Арапова. Докторская диссертация исследователя

[1] Литвинов П.П. Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (1865-1917): по архивным материалам: автореферат дис. д-ра ист. наук. – М., 1998. – С. 13-14.

посвящена эволюции и динамике изменений политики Российской империи в отношении ислама и мусульманских народов. Ученый отмечает, что политика игнорирования ислама проводилась вплоть до падения монархии, тем самым «мусульманский вопрос» не был решен окончательно.[2] Под редакцией Арапова в 2006 году был опубликован сборник документов «Императорская Россия и мусульманский мир». Этот сборник стал знаковым событием в российской историографии. В данный сборник вошли заключения генералгубернатора Духовского об исламе и мусульманской конфессии, мнение ориенталиста В. Наливкина опроцессах, происходящих в мусульманском мире, документы о инициативе властей по созданию мусульманского духовного управления в Туркестанском крае и мусульманском движении в Центральной Азии.[3] Современные историки едины во мнении, что политика царской власти в отношении ислама в Туркестанском крае осуществлялась в рамках доктрины «игнорирования ислама» первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Единоличной власти Кауфмана способствовал карт-бланш, предоставленный самим императором Александром II. В монографии, написанной совместно учеными из России и Узбекистана, подтверждается, что, хотя Туркестанский генералгубернатор фон Кауфман старался официально не обострять отношения с местными мусульманскими представителями, но на практике мусульмане находились под пристальным вниманием местных властей.[4] Известный российский историк Б.Н. Миронов считает, что отсутствие духовного управления мусульман Туркестана стало препятствием для консолидации сил против царской власти, так как наделение представителей мусульманского духовенства официальными должностями могло повысить их авторитет среди населения.[5]

Как отмечает Д. Васильев, религиозная политика фон Кауфмана характеризуется как «положительный нейтралитет». Со стороны царских властей исламские институты в крае находились под жестким контролем, хотя и не рассматривались как политическая сила. В результате этого возникли условия для более широкого распространения суфизма среди простых мусульман, что способствовало развитию тенденций, направленных против имперской власти. Автор также

---

[2] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII – начало XX вв.: автореферат дис. д-ра ист. наук. – М., 2005. – 59 с.

[3] Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. / Сост. Д.Ю. Арапов. – М.: Наталис, 2006. – 480 с.

[4] Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI века. / [Ф.М. Мухаметшин и др.]. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – С. 79-80.

[5] Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – С. 166.

считает, что политика игнорирования ислама проводилась до падения империи. Тем не менее, исследователь отмечает, что с наступлением XX века имперская администрация начала оказывать негласную поддержку традиционному духовенству с целью сдерживания джадидизма.[6]

Политика игнорирования ислама имела два варианта, которые были направлены на оседлое и кочевое мусульманское население. По оценке российского историка Т. Котюковой, каждый вариант состоял из собственных стратегий реализации, поскольку в положениях об управлении Туркестанским краем не было специальных статей, которые бы регулировали духовные дела мусульман. Так, царская власть запретила татарам и выходцам из Центральной Азии религиозную пропаганду среди казахов и туркмен, причисленных к кочевым мусульманам. Однако инициатива по распространению христианства среди казахов также не увенчалась успехом. Согласно ученому, данный провал был обусловлен широким распространением суфизма среди населения.[7]

Политика Российской империи в отношении ислама нашла свое место в коллективной монографии «The Cambridge history of Russia». С точки зрения российского историка Александра Бобровникова, ответственного за этот раздел, официальная декларация политики игнорирования ислама не мешала чиновникам военнонародного управления держать под строгим контролем вакфные земли, святые места и деятельность суфиев. В городах дервишам запрещалось проповедовать и читать зикр. Исламские институты в Туркестанском крае находились под полицейским контролем.[8]

Провал проводимой в Туркестанском крае религиозной политики и его влияние на рост недовольства мусульманской общины рассматривается в исследованиях М. Шушковой, С. Брежневой, С. Бороздина, А. Бахтуриной.[9] Так, реализация доктрины Кауфмана до

---

[6] Васильев Д. Ислам в контексте административной политики Российской империи в Центральной Азии. Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). / Сост. и отв. ред. Т.В. Котюкова. – СПб.: Алетейя. 2021. – С. 108-109, 115.

[7] Котюкова Т.В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII-XIX вв. / Под науч. ред. Д.В. Васильева. – М.: Издательство «ОнтоПринт», 2019. – С. 81-93.

[8] Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia / / Ed. D. Lieven. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 215-216.

[9] Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века: дис. д-ра ист. наук. – М., 2015. – 314 с.; Брежнева С.Н. Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане. Народы и религии Евразии. – 2015. - №8. – С. 211-222.; Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867-1914): автореферат дис. канд. ист. наук. Екатеринбург,

момента падения монархии был связан с отсутствием альтернативной программы и отсрочкой предложенных вариантов.

Историки не обошли стороной скрытые аспекты политики игнорирования ислама в Туркестане, в рамки которой относят русификацию, крещение и земельный вопрос. Казахстанский историк М. Койгелдиев дает оценку миссионерской политике, в рамках которой были построены церкви, а также выдавались пособия тем, кто изъявил желание принять христианство. Кроме того, создавались поселения крестьянпереселенцев среди казахского населения. Тем не менее, ученый считает, что основной удар по исламу был нанесен через учебное дело.[10]

Развивая этот аспект, политика фон Кауфмана рассматривается в контексте вытеснения мусульманских школ и проведения скрытой миссионерской политики. В рамках этого имперская администрация придавала большое значение русскотуземным школам.[11] Кроме того, с установлением новой власти духовенство потеряло свой официальный статус. В частности, некоторая часть духовенства лишилась своего имущества и привилегий. Вакфные земли передавались под контроль чиновников, а также были введены новые виды налогов. В результате данные действия подтолкнули представителей духовенства перейти в оппозицию.[12] Такого же мнения придерживается и российский историк Т. Котюкова. Так, у Санкт-Петербурга и Ташкента не было четкой позиции в отношении мусульман Туркестана, а политика игнорирования ислама привела к консолидации духовенства с простыми мусульманами.[13]

З. Садвакасова характеризует мусульманское духовенство под властью империи как противников колониального гнета. Бремя налогообложения, передача земель казахских родов русским переселенцам, давление на религию, запрет мусульманских школ и крещение создавали условия по складыванию протестного настроения. Мусульманское духовенство часто открыто выступало против проводимой политики самодержавия, призывая население бороться за сохранение религии, национальной культуры и родного языка. Нередко духовенство тайно

2012. – 25 с.; Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – 388 с.

[10] Қойгелдиев М.Қ. Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. – 1917 ж.). – Астана: Елорда, 2004. – Б. 156-159.

[11] Рүстемов С.К. XX ғасыр басындағы Қазақстанның қоғамдық-саяси өміріндегі мұсылмандық қозғалыс: тарих ғыл. канд. дис. – Алматы, 1997. – Б. 35-38.

[12] Рустемов С.К., Шашаева М.Ә. Түркістан өлкесінде мұсылмандықтың таралуын бақылауға алу. Отан тарихы. – 2021. - №1,. – Б. 63-73.

[13] Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. Москва: Научно-политическая книга, 2016. – С. 124.

создавало свои организации и пыталось наладить связи с влиятельными людьми, принимая активное участие в политической жизни мусульман.[14]

Н. Нуртазина, проводя анализ состояния исламских институтов в рамках колониальной политики, отмечает, что образовательные учреждения всегда находились под пристальным вниманием царских чиновников. С 90х годов XIX века имперские власти давали разрешение на открытие новые медресе при условии преподавания русского языка. Упадок мусульманских учебных заведений сопровождался политикой империи в отношении ислама. Однако появление новометодных школ в начале XX века несколько изменило позицию имперской администарции по отношению к мусульманским учебным заведениям. Таким образом, для препятствования деятельности джадидов колониальные власти начинают оказывать поддержку консервативным представителям духовенства (кадимизм). Автор также считает, что царская власть недооценила внутренний потенциал мусульманских школ. Потому что подавляющее большинство чиновников пренебрегали изучением местных языков и знакомством быта коренного населения.[15]

Изучение данной проблемы напрямую связан с национальным и государственным путем развития каждой республики. Основные моменты политики фон Кауфмана по игнорированию ислама были тщательно изучены в работе узбекского историка Азима Маликова. Представители имперской администрации столкнулись с незнакомыми им социальными группами, поэтому была попытка дробления на понятные им категории. Основную часть местной элиты составляли потомки святых (sacred lineage), в том числе ишаны, ходжи, миры и др. С целью снижения их авторитета среди населения царскими властями были введены выборные должности. На эти должности были назначены лица (nonelite clergy), не связанные со святыми родами. Суть земельной реформы Кауфмана в крае также заключалась в ослаблении исламских институтов. Вакфные земли были переданы в ведение государства под предлогом упорядочения и регистрации. Данная мера была важна, поскольку представители духовенства являлись крупными землевладельцами. Согласно исследователю, Россия воздерживалась от активного вмешательства во внутреннюю жизнь мусульман до полного подчинения себе среднеазиатских государств. Однако после завершения завоевания Центральной Азии религиозные институты

[14] Садвокасова З.Т. Участие мусульманских духовных служителей в национально-освободительном движении. Мир Большого Алтая. – 2019. - №5. – С. 539.

[15] Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: Проблемы Ислама, интеграции модернизации и деколонизации (на рубеже XIX-XX веков). – Алматы: Қазақ университеті, 2008. – С. 51-52.

начали испытывать серьезное давление.[16]

В монографии узбекского ученого Хамида Зиёева конфискация вакфных земель описывается как проявление политики, направленной против мусульман. В Туркестанском крае с целью повышения статуса русского языка были открыты русскотуземные школы и запрещено финансирование мечетей и медресе.[17] С. Абраров считает политику русификации одним из механизмов колонизации Туркестана. Только 4% бюджета региона (879,7 тыс. рублей) было потрачено на просвещение. По оценкам историка, из этих средств 260,5 тыс. были направлены на деятельность русскотуземных школ, остальные – на европейские образовательных учреждения. Поскольку русский язык был государственным, положение местных языков не беспокоило царскую власть. Автором расселение русских крестьян также изучается как один из основных способов русификации.[18]

О. Сумарокова предлагает альтернативную точку зрения относительно учебных заведений империи. Так, власти стремились распространить достижения европейской науки и образования среди местных мусульманских народов. Российскими востоковедами были зафиксированы исчезающие и бесписьменные языки. В работе делается вывод о положительных сторонах языковой политики в Туркестанском крае.[19] Российский ученый М. Рыгалова считает, что политика империи в области образования учитывала национальные особенности каждого региона.[20]

Исследователями рассмотрены попытки легитимации власти в регионе посредством внедрения новых методов управления. По оценке Афтандила Эркинова, хутба, которую читали во время пятничной молитвы и религиозных праздников, использовалась царскими чиновниками как инструмент по воспитанию верноподданнических чувств среди мусульман. Однако мусульмане не читали хутбу за императора, поскольку он был другого вероисповедания. (колонизатором).[21] В монографии Б. Бабаджанова политика Кауфмана по игнорированию ислама

[16] Malikov A. Russian Policy toward Islamic “Sacred Lineages” of Samarkand Province of the Turkestan GovernorGeneralship in 1868-1917. Acta Slavica Iaponica. – 2020. - 40. – С. 203-206, 215.

[17] Зиёев Ҳ. Туркистонда Россия тажовузи ва ҳукмронлигига қарши кураш: (XVIIIXX аср бошлари). – Т.: Шарқ, 1998. – Б. 361362.

[18] Абраров С.А. История Узбекистана. Ч.1. – Т.: ТашГТУ, 2007. – С. 119.

[19] Сумарокова О.Л. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана). – Бишкек: Издательство КРСУ, 2015. – 265 с.

[20] Рыгалова М.В. Влияние модернизационных преобразований на развитие системы образования Степного края и Туркестана в 1880-1910-е гг. Журнал Фронтирных исследований. – 2022. - №1. – С. 229-246.

[21] Эркинов А. Религиозная политика Российской империи в Туркестане: «Очерк о хутбе за русского царя» Н.П. Остроумова. Известия Уральского федерального университета. – 2013. - №2. – С. 128.

интерпретируется как проявление компромисса с мусульманами. Данная политика была гарантией невмешательства во внутренние дела мусульман. С другой стороны, местная религиозная элита сохранила свои традиционные права и привилегии.[22]

Баходир Пасилов, анализируя политику Российской империи в отношении ислама в Туркестанском крае, считает, что царская власть изменила ход политического и социального развития Центральной Азии и способствовала развитию жизни коренных народов. Преследуя свои интересы, российские власти хотели уменьшить значение ислама в обществе, проводя различные реформы, затрагивавшие разные аспекты жизни мусульман. Несмотря на проводимые реформы, позиция ислама не пошатнулась.[23]

Ученые Центральной Азии внесли значительный вклад в изучение различных аспектов политики Российской империи в отношении ислама. Хотя в нашей работе невозможно отдельно остановиться на всех исследованиях, однако можно прийти к следующим общим выводам: давление царской власти на исламские институты определялось вмешательством во внутреннюю жизнь мусульман, попытками контроля вакфов, мечетей и медресе.[24] Имперские власти преследовали политику медленной и скрытой русификации путем переселения русских крестьян в Туркестанский край (Ташболотова, 2010; Sodiqov, Jo'raev, 2011; Авазов, 2013).[25]

Андижанское восстание 1898 г.: колониальная администрация и местные мусульмане.

Возглавленное Дукчи ишаном Андижанское восстание 1898 г. стало полной неожиданностью для имперской власти. Поиски причин начались сразу же после подавления восстания. Советские историки изучали данное событие в рамках классовой теории. С распадом Советского Союза открылись находившиеся в секретном хранении

[22] Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио, Ташкент: Yangi nashr, 2010. – С. 530-531.

[23] Pasilov B. Introduction: Russian Colonialism, Women, and Politics in Central Asia. Oriente Moderno. – 2022. - 102(2). – P. 138.

[24] Radjabov K.K. Struggle for Independence in Turkestan and Muslim Clergy. Oriente Moderno. – 2007. - 87(1). - P. 177-188.; Juraev N.T. Russia's Educational Policy in Turkestan. Экономика и социум. – 2020. - 3(70). – P. 53-56.; Yusupova D.D. The Impact of Pan-Islamism and Pan-Turkism Ideologies on the Russian Empire. THE – Thematics journal of Social Sciences. – 2021. - 7(3). – С. 145-153.

[25] Ташболотова С. К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX веков. Вопросы истории Кыргызстана. – 2010. - №3. – С. 97-105.; Sodiqov H., Jo'raev N. O'zbekiston tarixi: (Turkiston Chorizm mustamlakachiligi davrida) 1-kitob. – T.: Sharq, 2011. – 552 b.; Авазов Э.А. Падышачылыктын Фергана өрөөнүндөгү оторлоштуруу саясаты жана орус кыштактарынын пайда болушу. ЖАМУнун Жарчысы. – 2013. - №1. – Б. 260-264.

архивные документы, которые позволили поновому взглянуть на рассматриваемую проблему. Также стало актуальным использование междисциплинарных методов исследования.

По мнению узбекского историка Хамида Зиёева, неэффективное управление, захват материальных ресурсов и притеснение мусульманского духовенства стали предпосылками восстания Дукчи ишана. Военный губернатор Ферганской области А. Абрамов, опасаясь огромного влияния духовных лиц, издал приказ о ссылке в Сибирь тех, кто оказал неподчинение власти. Ученый считает, что восстание Дукчи ишана было попыткой обрести свободу, независимость и построить свое государство.[26]

Кыргызский историк Кушбек Усенбаев также рассматривает Андижанское восстание как реакцию на произвол царской власти. Местные жители Ферганской, Семиреченской и Сырдарьинской областей Туркестанского края выразили поддержку восстанию. Основными участниками восстания стали недовольные киргизские, узбекские и таджикские дехкане. Таким образом, как считает исследователь, участники восстания боролись не за ислам, а за национальную свободу.[27] Национальноосвободительный характер восстания можно увидеть и в работе З. Ишанходжаевой. Отсутствие общих идеологических целей повстанцев маскировалось религиозными лозунгами.[28] Эти работы объединяет то, что восстание во главе с Дукчи ишаном способствовало росту национального и политического сознания местного населения и создало условия для формирования национальноосвободительных движений.

Причины восстания не исчерпываются лишь социальноэкономическими факторами. Издавна в жизни мусульман Туркестанского края большое значение занимал ислам. Одна из книжных серий «Historia Rossica» посвящена истории Центральной Азии в составе Российской империи. Согласно авторам этой коллективной монографии, отсутствие четкой государственной позиции к исламу в Туркестане и плохое знакомство с жизнью мусульман стали непосредственными причинами внезапного возникновения восстания. Однако это событие не привело к какимлибо изменениям в политике империи в отношении ислама.[29]

---

[26] Зиёев Ҳ. Туркистонда Россия тажовузи ва ҳукмронлигига қарши кураш: (XVIII-XX аср бошлари). – Т.: Шарқ, 1998. – С. 383-394.

[27] Усенбаев К. Народные движения Средней Азии в XIX веке (по материалам Южного Кыргызстана). – Бишкек, Ош: Фонд гражданского развития, 1998. – С. 126-129.

[28] Ишанходжаева З.Р. Узбекистан в период колониализма и советского тоталитаризма. – Ташкент: O‘zbekiston faylasuflari milliy jamiyati nashriyoti, 2018. – С. 88.

[29] Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 250-251.

Российские историки С. Абашин и Е. Ларина считают, что главной целью восстания во главе с Дукчи ишаном является восстановление мусульманского государства.[30]

Анализ взглядов местных мусульман и колониальной власти рассмотрен в работе узбекского ученого Б. Бабаджанова. Приводится мнение о различных интересах самих участников восстания. Так, если сам Дукчи ишан стремился восстановить власть шариата, то дехкане, которые составляли основную силу восстания, хотели отомстить русским переселенцам. Таким образом, Дукчи ишан пытался оправдать недовольство народа с использованием абстрактной концепции газавата, призывая к защите шариата.[31] Местная администрация стала все больше опасаться дервишов и ишанов, которые проповедовали

«панисламизм и мусульманский фанатизм». При этом также отмечается, что данное событие не было следствием влияния суфизма.[32]

В труде А. Эркинова обращается внимание на образ Дукчи ишана в произведениях местных поэтов. В своих произведениях они осуждают действия Дукчи ишана и участников восстания. Незнатное происхождение и фальшивая святость привели к поражению «газавата». Эркинов объясняет позицию поэтов желанием сохранить хорошие отношения с царской властью и стабильность, установленную после прихода русских. Бесконечная борьба за власть и хаос в Кокандском ханстве привели к кризису, от которого страдал простой народ. Исследователь также отмечает, что были и поэты, которые поддерживали восставших, однако они не могли открыто выражать свою позицию.[33]

Таким образом, большинство исследователей, изучавших Андижанское восстание, считают, что оно напугало и привело к усилению исламофобии среди чиновников края. Часть историков приходят к выводу, что несмотря на усиление антиисламской риторики, власть продолжала курс политики невмешательства в дела ислама. Но все авторы проанализированных нами работ едины в том, что нежелание местной администрации к близкому знакомству с бытом и культурой мусульман края стало причиной тому, что восстание оказалось полной неожиданностью для царской власти.

---

[30] Абашин С.Н., Ларина Е.И. Среднеазиатские мусульмане в 1914 году (по материалам Туркестанского районного охранного отделения) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Наука, 2006. – С. 278-305.

[31] Бабаджанов Б.М. Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 г. Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 265-268.

[32] Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных»). Ab Imperio, 2003. - №2 - С. 155-200.

[33] Erkinov A.S. The Andijan Uprising of 1898 and Its Leader Dukchi-Ishan Described by Contemporary Poets. Tokyo: TIAS, 2009. – 118 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историки постсоветских государств едины в том, что политика Российской империи в отношении ислама развивалась в рамках доктрины невмешательства фон Кауфмана. Данная политика хороша изучена российскими исследователями. Проведение этой политики объяснялось с учетом значения ислама в жизни коренного населения Туркестана. Кроме того, она была необходима империи для сохранения своей власти в крае. Тем не менее, в российской историографии поверхностно отражены скрытые аспекты политики и ее фактическое осуществление.

Согласно центральноазиатским историкам, политика невмешательства была направлена против ислама. Несмотря на официальную приверженность, служащие военнонародного управ ления внимательно следили за каждым шагом мусульман. Также осуществлялись меры по русификации и христианизации мусульман посредством образования и переселения крестьян.

Отдельно стоит остановиться на Андижанском восстании 1898 года. С момента подавления и до настоящего времени данное событие вызы вает массу вопросов среди ученых. Как уже было указано, Андижанское восстание вызвало сомнение в эффективности политического курса империи в отношении ислама в Туркестана. Однако ни СанктПетербург, ни Ташкент не смогли сформировать альтернативную программу взаимоотношения с мусульманским духовенством в Туркестанском крае. Учеными постсоветского пространства хорошо проанализированы разные аспекты этого восстания.

Историками постсоветского пространства сформированы концептуальные точки зрения по рассматриваемой проблеме и охарактеризованы основные аспекты данной политики. Так, политика империи в отношении институтов ислама отличалась многогранностью и разностепенным проявлением в определенные периоды управления краем, так как она находилась в прямой зависимости от внутренних и внешних факторов. Это дает импульс для продолжения изучения политики Российской империи в отношении ислама и положения институтов ислама в царский период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. Центральная Азия в составе Российской империи. –М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
2. Абашин С.Н., Ларина Е.И. Среднеазиатские мусульмане в 1914 году (по материалам Туркестанского районного охранного отделения) // Расы и

народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. – М.: Наука, 2006. – С. 278305.
3. Абраров С.А. История Узбекистана. Ч.1. – Ташкент: ТашГТУ, 2007. – 184 с.
4. Авазов Э.А. Падышачылыктын Фергана өрөөнүндөгү оторлоштуруу саясаты жана орус кыштактарынын пайда болушу // ЖАМУнун Жарчысы. – 2013. №1. – Б. 260264.
5. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII – начало XX вв.: автореферат дис. дра ист. наук. – М., 2005. – 59 с.
6. Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных»). // Ab Imperio, 2003. №2 С. 155200.
7. Бабаджанов Б.М. Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 г. Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 251277.
8. Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. – Токио-Ташкент: Yangi nashr, 2010. – 744 с.
9. Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – 388 с.
10. 10. Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (18671914): автореферат дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2012. – 25 с.
11. Брежнева С.Н. Толерантность порусски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане // Народы и религии Евразии. – 2015. №8. – С. 211222.
12. Васильев Д. Ислам в контексте административной политики Российской империи в Центральной Азии. Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). / Сост. и отв. ред. Т.В. Котюкова. – СПб.: Алетейя. 2021. – С. 99120.
13. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. / Сост. Д.Ю. Арапов. – М.: Наталис, 2006. – 480 с.
14. Ишанходжаева З.Р. Узбекистан в период колониализма и советского тоталитаризма. – Т.: O’zbekiston faylasuflari milliy jamiyati nashriyoti, 2018. – 264 с.
15. Зиёев Ҳ. Туркистонда Россия тажовузи ва ҳукмронлигига қарши кураш: (XVIIIXX аср бошлари). – Т.: Шарқ, 1998. 480 б.
16. Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. – М.: Научнополитическая книга, 2016. – 391 с.
17. Котюкова Т.В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских

политических интересов: XVIIIXIX вв. / Под науч. ред. Д.В. Васильева. – М.: Издательство «ОнтоПринт», 2019. – С. 7898.
18. Қойгелдиев М.Қ. Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. – 1917 ж.). – Астана: Елорда, 2004. – 216 б.
19. Литвинов П.П. Государственнорелигиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (18651917): по архивным материалам: автореферат дис. дра ист. наук. – М., 1998. – 52 с.
20. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 640 с.
21. Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: Проблемы Ислама, интеграции модернизации и деколонизации (на рубеже XIXXX веков). – Алматы: Қазақ университеті, 2008. – 166 с.
22. Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI века. / [Ф.М. Мухаметшин и др.]. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 480 с.
23. Рустемов С.К., Шашаева М.Ә. Түркістан өлкесінде мұсылмандықтың таралуын бақылауға алу // Отан тарихы. – 2021. №1. – Б. 6373.
24. Рүстемов С.К. XX ғасыр басындағы Қазақстанның қоғамдықсаяси өміріндегі мұсылмандық қозғалыс: тарих ғыл. канд. дис. – Алматы, 1997. – 179 б.
25. Рыгалова М.В. Влияние модернизационных преобразований на развитие системы образования Степного края и Туркестана в 18801910е гг. // Журнал Фронтирных исследований. – 2022. №1. – С. 229246.
26. Садвокасова З.Т. Участие мусульманских духовных служителей в национальноосвободительном движении // Мир Большого Алтая. – 2019. №5. С. 526541.
27. Сумарокова О.Л. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана). – Бишкек: Издательство КРСУ, 2015. – 265 с.
28. Ташболотова С. К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX веков // Вопросы истории Кыргызстана. – 2010. №3. – С. 97105.
29. Усенбаев К. Народные движения Средней Азии в XIX веке (по материалам Южного Кыргызстана). – Бишкек-Ош: Фонд гражданского развития, 1998. – 154 с.
30. Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века: дис. дра ист. наук. – М., 2015. – 314 с.
31. Эркинов А. Религиозная политика Российской империи в Туркестане:«Очерк о хутбе за русского царя» Н.П. Остроумова // Известия Уральского федерального университета. – 2013. №2. – С. 123133.
32. Bobrovnikov V. Islam in the Russian Émpire // The Cambridge History of Russia // Éd. D. Lieven. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 202223.
33. Érkinov A.S. The Andijan Uprising of 1898 and Its Leader DukchiIshan

Described by Contemporary Poets. - Tokyo: TIAS, 2009. – 118 p.
34. Juraev N.T. Russia's Éducational Policy in Turkestan // Экономика и социум. – 2020. 3(70). – P. 5356.
35. Malikov A. Russian Policy toward Islamic "Sacred Lineages" of Samarkand Province of the Turkestan GovernorGeneralship in 18681917 // Acta Slavica Iaponica. – 2020. 40. – C. 193216.
36. Pasilov B. Introduction: Russian Colonialism, Women and Politics in Central Asia // Oriente Moderno. – 2022. 102(2). – P. 137141.
37. Radjabov K.K. Struggle for Independence in Turkestan and Muslim Clergy // Oriente Moderno. – 2007. 87(1). P. 177188.
38. Sodiqov H., Jo'raev N. O'zbekiston tarixi: (Turkiston Chorizm mustamlakachiligi davrida) 1kitob. – T.: Sharq, 2011. – 552 b.
39. Yusupova D.D. The Impact of PanIslamism and PanTurkism Ideologies on the Russian Émpire // THÉ – Thematics journal of Social Sciences. – 2021. 7(3). – C. 145153.

МЕСТО УСТНОЙ ИСТОРИИ (ORAL HISTORY) В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сабиров Алишер Турсунович –

доктор исторических наук, профессор Ташкентского государственного педагогического университети им. Низами.

Аннотация.

В статье предпринимается аналитический обзор современных устных исторических исследований в республиках Центральной Азии. Автор рассматривает место и роль устной истории как одного из новых для региона методов исторического исследования, анализирует работы ученых Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, занимающихся проблемами применения методов устной истории в гуманитарных исследованиях. Научная новизна представленных в статье материалов состоит в выявлении специфики и функциональных возможностей устной истории в формировании общей региональной истории Центральной Азии.

Ключевые слова*: устная история, историография, методология, нарратив, устный источник, историческая память, гендер, Центральная Азия*

Аннотация: *Мақолада Марказий Осиё республикаларидаги бугунги кундаги оғзаки тарих тадқиқотлари таҳлил қилинади. Муаллиф минтақа учун тарихий тадқиқотнинг янги*

усулларидан бири сифатида оғзаки тарихнинг ўрни ва ролини кўриб чиқади. Гуманитар тадқиқотларда оғзаки тарих методларини қўллаш муаммолари билан шуғулланган Қозоғистон, Қирғизистон, Тожикистон ва Ўзбекистон олимларининг ишларини таҳлил қилади. Мақолада келтирилган материалларнинг илмий янгилиги Ўрта Осиё умумий минтақавий тарихини шакллантиришда оғзаки тарихнинг ўзига хослиги ва функционаллигини аниқлашдадир.

Калит сўзлар: *оғзаки тарих, тарихшунослик, методология, ҳикоя, оғзаки манба, тарихий хотира, жинс, Ўрта Осиё*

Abstract. *The article represents an analytical review of modern oral history researches made in the republics of Central Asia. The author considers the place and the role of oral history as one of new historical research methods for the region; analyses works of scholars from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan who study application of oral history methods in humanitarian research. The scientific novelty of the materials presented in the article involves identification of specific features and functionality of oral history which shape the overall regional history of Central Asia.*

Keywords: *oral history, historiography, methodology, narrative, oral source, historical memory, gender, Central Asia.*

В изучении исторической науки рукописи, научные произведения, документы архивов, иные записанные материалы играют важную роль. Но при этом сложно обнаружить аналогичные воспоминания свидетелей (участников) исторических событий. Именно в этом заключается специфика материалов устной истории. В данном случае речь идет о воспоминаниях индивидов, которые отражают историю на микроуровне. Память «простых» людей об историческом событии – значимое дополнение в освещении объективной истории. Современные национальные школы устной истории сложились на основе традиций использования устных материалов в исторических и других исследованиях. Жюль Мишле, занимаясь историей Французской революции и историей XIX в., полагал, что сбор и фиксация бесед с людьми, являются полезными для историка и ученого, занимающегося социальными науками, что именно устная история является важнейшим источником изучения прошлого[1].

Британская историк Беатрисс Вебб в своем научном труде «Кооперативное движение в Британии»[2], а также в книге «История тред

[1] См. Мишле Ж. Народ. — М., «Наука», 1965. 208 с.; Мишле Ж. История XIX в. / Под ред. М. Цебриковой. — СПб., (в 2-х тт.).1883—1884.

[2] Вебб Б. Кооперативное движение в Великобритании. 2-е изд. М., 1918.

юнионизма»[3] работала не только с традиционными документами, но также и с устными свидетельствами. Был разработан метод регулярных полевых исследований в небольших провинциальных городах[4].

Но постепенно роль устных источников в академической науке падает. Со 2ой половины XIX века главным направлением в изучении исторической науки становится работа только с письменными документами, которая рассматривается как символ профессионализма. Германский исследователь Леопольд фон Ранке в своем произведении

«История романских и германских народов с 1494 по 1535 гг. К критике современного историописания» описывает главные подходы как писать историю ("чего нет в документе (архивах) — не существует для истории")[5].

Долгое время устная история была под подозрением как история с непроверенными фактами, «…далекая от репрезентативности и пресловутой научной объективности…»[6]. Признание устной истории в мировой историографии равноценным методом и самостоятельным исследовательским направлением, произошло только к середине XX в., с учетом практических результатов полевых исследований по фиксации и анализу устных воспоминаний, проведенных историками[7].

В настоящее время устная история, западный эквивалент «oral history», как междисциплинарный метод исследований в истории и общественных науках переживает этап бурного и плодотворного развития, она стала новым инструментом интерпретации прошлого.

В азиатских странах, устная история также постепенно превращается в разностороннюю и мультидисциплинарную сферу исследований.

Например, в Афганистане исследовательские проекты, основанные на методе интервью, фиксируют нерассказанные истории людей об их жизни за десятилетия войн и бедствий. Интересен опыт историков Ирана в применении метода устной истории в сохранении исторической индивидуальности древнего города Мешхеда. В рамках данного проекта была сделана попытка изучения устной истории города и архитектурных сооружений, этноконфессиональных меньшинств и экономической

---

[3] См.: Вебб С., Вебб Б. История тред-юнионизма. М., 1922–1925. Вып. 1–5/.

[4] Томпсон П. Устная история. Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2003.- С. 40-57.; Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: «Учитель», 2014. - С.337

[5] См.: Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig/Berlin, 1824.

[6] Пушкарева Н.Л. Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития// Общественные науки и современность 2012. № 1. - С.170.

[7] Шмидт С.О. Предпосылки "устной истории" в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тез. докл. и сообщ. Москва, 27 января–1 февраля 1991 г. М., 1991. - С. 16.

специализации региона[8].

Инновационную роль в развитии устной истории в Турции сыграл Фонд истории (The History Foundation), организация, которая создала архив устной истории, подготовила книги и фильмы. Исследовательские проекты Фонда включают также проекты по изучению “Республиканского поколения”, районов Стамбула и городов Анатолии.

Турецкие исследователи провели ряд изысканий междисциплинарного уровня по теме «Устная история и образование» на базе Университета Сабанчи, а также ряд семинаров по устной истории. Вебсайт об устной истории Университета Сабанчи представляет широкой общественности результаты исследований студентов в области устной истории. Каждый год на занятиях по устной истории выбирается новая тема для исследования и вебсайт содержит голоса, фотографии и цитаты из интервью[9].

Другой интересный проект в Палестинской автономии, в одном городке на Западном берегу реки Иордан, который стал центром координации сбора нарративов недавней истории жизни членов глобальной палестинской диаспоры и их размещения на едином общем вебсайте.

Сейчас, во многих республиках Центральной Азии (Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане), в связи с отсутствием части документальных источников по новейшей истории, сложности допуска к некоторым фондам архивов начался определенный ренессанс устной истории.

Здесь, устная история постепенно превращается в весьма разностороннюю и мультидисциплинарную сферу исследований, она все активнее выходит за рамки академической науки по мере того, как растет потребность «мозговых трестов», филантропических организаций и государственных институтов в документировании своей институциональной истории с помощью нарративов, полученных путем интервью. Однако подъем интереса к устной истории пока задействовал лишь малую часть ее глобального потенциала, особенно с учетом того, что исследования в этой области все еще ограничены национальными границами и сдерживаются профессиональными и культурными барьерами, а также сохранением консервативных взглядов на сущность самого исторического источника.

---

[8] Хазанабади А. Роль устной истории в сохранении локальной исторической индивидуальности древних городов// Устная история (oral history): теория и практика: Материалы всерос. науч. семинара 25-26 сентября 2006 г./науч.ред. Щеглова Т.К. - Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. - С.159-160.

[9] См.: Sabanci Universitesi// Электронный ресурс: https://www.sabanciuniv.edu/tr; http://www.sabanciuniv.edu.tr/sozlutarih/index.htm (Дата обращения 24.05 2022 г.)

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, через свою Академию ОБСЕ, в Таджикистане и Кыргызстане реализовала устно-исторические исследования на темы «Устная история независимого Таджикистана», посвященную событиям гражданской войны 1992–1997 гг. и «Устная история независимого Кыргызстана», отражающую состояние населения и элиты страны в переходный период 1980–1990 годов. Сбор данных в Таджикистане производился в 2007–2008 годах, в Кыргызстане – в 2010 году, где было проведено 201 интервью[10].

В 2007 2008 годах был реализован проект устной истории, который потом был представлен в формате документального кино «Устная история кыргызов в XX в.» (ТурцияКыргызстан) и «Устная история народов Средней Азии. Кыргызстан» (Япония Турция Кыргызстан).

Из любопытных и новаторских исследований следует отметить реализацию кыргызскочешского проекта по новейшей истории Кыргызстана, с применением сравнительного метода устных и письменных источников. Это проект, выполненный в 2010-2011 годах «История Кыргызстана глазами очевидцев (начало XX века)»[11].

Исследование было нацелено на изучение истории Кыргызстана через судьбы людей, которую они сами рассказали. В процессе исследования материалы интервьюирования свидетелей конкретных событий новейшей истории страны подвергались тщательному сравнительному анализу с официальными документами, материалами СМИ и учебниками. Изучение на предмет достоверности информации проходило через использование источников, перекрывающих и дополняющих друг друга.

В таджикистанской гуманитарной науке устная история характеризуется небольшим, но интересным и специфическим опытом работы. Например, К. Абдуллаев использовал метод устной истории в изучении истории среднеазиатской эмиграции 20х годов XX века[12].

Неплохо представлен и «женский аспект» устной истории, при этом, таджикские коллеги обращают внимание на один важный аспект. По их мнению, «историческая» деятельность женщин постоянно игнорировалась, находилась как бы «в тени», была лишена достойного отражения в официальной «мужской» истории и которую на текущем этапе необходимо восполнить и переработать[13].

---

10 Устно-исторические исследования//. См.: Устно-исторические исследования//. Электронный ресурс (Дата обращения 18.12.2021 г.).

[11] См.: Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев (начало XX века). – Praha: Nostalgie, 2012. - 280 с.

[12] См.: Абдуллаев К От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. - Душанбе: Ирфон, 2009. - 572 с.

[13] Более подр. см.: Сабиров А.Т. Устная история в аспекте «женского взгляда». Начальный опыт Таджикистана и Узбекистана// Материалы международной научно-практической конференции

Многие историки – исследователи отмечают особенность женских свидетельств и их ценность для исторической науки, т.к. историк, через женские воспоминания получает богатый, субъективный (тем он и це нен для устной истории) исторический материал, являющийся, по сути, приватной копией большой истории[14].

Например, исследование Людмилы Мягкой по воспоминаниям русскоязычных женщин Таджикистана, проживающих в городе Душанбе[15].

Данное исследование зафиксировало устные истории пожилых женщин (60 – 90 лет), русскоязычной общины. Как отмечает автор проекта Л. Мягкова в процессе работы была подготовлена база данных для будущей деятельности историков, социологов, политологов, психологов, сформированы специфические письменные и устные материалы для широкого и глубокого использования, появился прецедент нового типа научного исследования, как «устные женские истории» в Таджикистане[16].

Первые попытки выборки (простой список пожилых женщин с адресами) и интервьюирования были неэффективными. Качественный результат исследования получился через личностные взаимоотношения и знакомства. Интерес к устной истории был мотивирован тем, что женщинам понадобилось личное доверие, чтобы стать более прозрачными.

По мнению исследовательницы, непростой поиск респонденток говорит, вопервых, о скромности восточных женщин. Они не привыкли к публичной «истории», даже считают себя не достойными в этом плане, вовторых, азиатская женщина особено в центральноазиатском регионе полностью не привыкла еще к «официальному» интересу к себе. «Они не могут избавиться от психологии извечных «невидимок». Втретьих, изза их повседневной жизни, им трудно о себе рассказывать. Вчетвёр тых, они «дезориентированы общественным, «маскулинизированным» по своему характеру, сознанием своей «негероичности», «заурядности»,

«незначительности» в общепризнанном, мужском масштабе». И впятых,

«женщины просто не хотят думать о своей жизни и оценивать её,

---

«Социально-экономическое и культурное сотрудничество Таджикистана и Узбекистана: История и современность». – Хучанд: «Нури маърифат», 2019. - С. 560-566.

[14] См.: Гендерные истории Восточной Европы: - Минск: ЕГУ. 2002, 415 с.; Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика. Сб. статей– Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 2001. – 332 с.; Голоса уходящих поколений (анализ женских биографий). - Алматы: «Центр гендерных исследований». 2002. - С.3.

[15] См.: Мягкая Л. Жизнь как судьба, или устные истории пожилых русскоязычных женщин Таджикистана. – Душанбе: «Ифрон», 2003. - 168 с.

[16] См.: там же

чтобы не приходить к определенным печальным выводам»[17].

Возможно, под влиянием этой работы, появился ряд исследований с целью задокументировать устные воспоминания таджикских женщин о пережитом ими во время гражданской войны 1990х гг., как, например, научноисследовательский проект Н. Халимовой[18], нацеленный на изучение воспоминаний женщин Таджикистана, переживших гражданскую войну и проживающих в городе Душанбе. Выборка была случайной и главным критерием было желание и согласие женщины говорить на тему гражданской войны и отвечать на вопросы[19].

В этом аспекте интересны совместные проекты Б. Кабиловой и Н. Халимовой по устным историям женщин Таджикистана, где вопросы гендера анализируются через историческую науку и народное песенное творчество[20].

По мнению Н.Халимовой «объектом исследования историка, занимающегося устной историей, является исторический материал, передаваемый в устной форме. Метод исторического исследования интервью с помощью диктофона и перенос его на бумагу. Результат этого метода созданный исторический источник устного происхождения»[21]. Автор отмечает, устная история не только имеет возможность дополнять, но и исправлять официальные источники, «восстанавливает утраченные традиции и связь между поколениями. И самое главное создает уникальную базу исторических источников для будущего поколения историков»[22].

Впервые в таджикской исторической науке, Б.Кабилова, в исследовании посвященной народным песням как научному источнику, применила метод устной истории[23].

Неплохо представлена «женская устная история» и в Кыргыстане, Казахстане. Примерами могут служить интересные наработки

[17] Мягкая Л. Жизнь как судьба, или устные истории пожилых русскоязычных женщин Таджикистана. – Душанбе: «Ифрон», 2003. – 168 с.

[18] См.: Халимова Н. Война без документов. Воспоминания женщин Таджикистана о гражданской войне 1992–1997 годов // Женская устная история. Сборник статей. Ч. 2. - Бишкек: 2005. — С. 326-353

[19] См.: Халимова Н. Война без документов (воспоминания женщин Таджикистана о гражданской войне 1992-1997 гг.) / Гендерные исследования. Центральноазиатская сеть//Электронный ресурс: http://d1019822.idhost.kz/site03/hist/hist10.php (Дата обращения: 18.12.2022 г.).

[20] См.: Кабилова Б., Халимова Н. Устные истории женщин Таджикистана. - Душанбе: Матбуот, 2003. - 264 с.; Кабилова Б. Женские песни как устные истории // Современные проблемы гендерных исследований в Таджикистане: Материалы республ. научно-практич. конф. (Душанбе, 21–22 октября 2002). - Душанбе: Таджикский филиал Ин-та «Открытое общество» – Фонд содействия, 2002. - С. 115–118.

[21] Кабилова Б., Халимова Н. Устные истории женщин Таджикистана... - С.51

[22] См. там же

[23] См.: Кабилова Б. Женские песни как устные истории //Современные проблемы тендерных исследований в Таджикистане. - Душанбе, 2002; Она же. Женские песни - женские истории // Кабилова Б., Халимова Н. Устные истории женщин Таджикистана. -Душанбе, 2003.

Эльмиры Араповой, кандидата философских наук, доцента Ошского университета[24] и Куралай Мухамбетовой, кандидата социологических наук, доцента кафедры социологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. (проект: «От феминистской эпистемологии к методам: специфика женских исследований).

В своих работах исследовательницы дают обзор особенностей феминистскиориентированного научного подхода, ставящего в центр анализа уникальный женский опыт. Показана особенность феминистской эпистемологии, понимаемой как вызов, альтернатива традиционному позитивистскому взгляду на процесс познания.

В целом, в исторической науке Казахстана по устной истории специальных исследований пока недостаточно, но имеется немало работ по отдельным проблемам и в последнее время изучение устной истории в Казахстане приобретает междисциплинарный характер[25].

С целью сохранения воспоминаний людей Казахстана с помощью устных интервью, созданы ряд научных центров устной истории. Например, Проекты научноисследовательского центра (НИЦ) «Устной истории» при Казахском НПУ им. Абая нацелены на сохранение воспоминаний людей Казахстана с помощью устных интервью и распространения стенограмм для исследователей, студентов, общества в целом; выявление новых исторических фактов через воспоминании очевидцев и современников исторических событий прошлого; создание фонда устной истории в архивах Казахстана и в поддержке академических ресурсов, нацеленных на использование устно исторических материалов[26].

Казахстан так же имеет интересный опыт международных и устноисторических исследований, как например, проект ««Афганская война 19791989 гг. глазами очевидцев (oral history)», объединивших исследователей из США, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Проект был проведен Исследовательским институтом «Общественное мнение» (Астана) и включал сбор интервью методом «устная история» у воиновинтернационалистов, участников войны в Афганистане и подготовки документального фильма[27]. Основной задачей Проекта был

[24] См.: Невозможное возможно. Женские устные истории. - Бишкек: 2005. - 120 с.

[25] Сабиров А.Т. Инновационные подходы в изучении исторического наследия Центральной Азии: опыт устно-исторических исследований // «Евразийское историческое наследие: грани истории – от истоков до современности». Сборник материалов международной научно-практической конференции (20 ноября 2019 года) / Под редакцией Б.Г. Аягана – Нур-Султан. 2019. – С. 37- 41; Сабиров А.Т. Метод oral history в сохранении исторической памяти: Опыт Казахстана и Узбекистана // Материалы X Международного Форума в рамках проекта «Память во имя будущего», посвященного Дню памяти жертв политических репрессий и голода. – Нур-Султан: «PrimaLux», 2019. - С.152-157.

[26] Центр исследования и подготовки специалистов в сфере «Устной истории» //Электронный ресурс: https://kaznpu.kz/ru/963/page/ (Дата обращения: 18.12.2022 г.)

[27] Материалы проекта использованы в фильме, который находится на официальном сайте

сбор информации об Афганской войне от ее участников для сохранения исторической памяти. Всего было проведено 20 интервью в Узбекистане, 31 в Таджикистане, 21 в Казахстане[28].

Представляется интересным проект казахских ученых «Депортация народов в Казахстан в 19301950 гг.: общность истории». Это результат сотрудничества казахстанских и зарубежных экспертов в рамках международного проекта «Память во имя будущего», инициированного Ассамблеей народа Казахстана и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государствучастников СНГ в 2010 году[29].

Основной задачей исследования был ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 193050 гг. от непосредственных участников процесса, что позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из 82 интервью, собранных в основном в центральноазиатских республиках[30], в том числе, проведенных и с учеными из Российской Федерации, Южной Кореи, Великобритании, США, Турции, исследующими историю депортаций народов[31].

Еще одно интересное направление устной истории Казахстане – это выявление материалов семейных архивов, где фиксировалась устная история, т.е. инициирование и запись воспоминаний фондообразователя, или его потомков (проект «Поиск забытых имен: «Устная история» о 1930х гг. в фондах ЦГА научно-технической информации» (Алматы)[32].

Исследовательница из ВосточноКазахстанского университета А.С. Жанбосинова применяет уникальный опыт по изучению фрагментов устной истории из материалов дел политических репрессированных 1930х гг. На основе анализа архивноследственных материалов рассматривается устная микроистория политических репрессий.

Исследовательского института «Общественное мнение». URL: //http://www.opinions.kz/?page_id=259

[28] Материал предоставлен автору Б.И Ракишевой и Г.Б. Емишевой. Текущий архив Исследовательского института «Общественное мнение».

[29] См.: Ракишева Б.И., Мажитова А.Б., Ашкенова Г.Т., Емишева Г.Б. Международные исследования по методике «oral history»: Опыт Казахстана // Материалы X Международного Форума в рамках проекта «Память во имя будущего», посвященного Дню памяти жертв политических репрессий и голода. – Нур-Султан: «PrimaLux», 2019. – 229 с.

[30] Прим.: Автор был участником данного проекта и координировал работу в Узбекистане

[31] См. Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» (интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстане) // под общ ред.: Б. Ракишевой. – Астана, 2013.

[32] См.: Григориади Т. Мой отец – Анастас Пантелеевич Левтеров /Сын Казахстана и Эллады: Спиридон Георгиевич Космериди. Сборник документов и материалов за 1942-2014 гг. Отв. ред. Г.С. Сарсенова. – Алматы: Print Expres, 2015; Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Отв. ред. Г.С. Сарсенова. Сост.: О.С. Богданова, Е.М. Грибанова (отв.), Б.А. Жуматаева, В.Е. Печерских. Рецензент А.С. Саятова. Алматы: Print Expres, 2015; Эпидемический «пожар» удалось предотвратить. Сборник материалов Круглого стола. 18 июня 2015 г. Алматы. – Алматы: Центральный государственный архив научно-технической документации, 2015. - С. 89-90; Грибанова Е.М., Чиликова Е.В. Сюжеты из жизни семей духовно-интеллектуальной когорты Казахстана (публикация воспоминаний В. Полосухиной, Р. Ахметовой, Ф. Хайрутдиновой об Умит Джансугуровой) //Қазақстан мұрағаттары. 2016. №2 (38). - С. 34-41.

С учетом своеобразия и специфики используемых материалов А.С, Жанбосинова применяет сложный метод нарратологического анализа архивнаследственных материалов в фокусе созданных образов истории политических репрессий. Особый ракурс устной микроистории от первого лица в статусе арестованного, обвиняемого, допрашиваемого и т.д. раскрывает глубинные процессы взаимодействия «маленького человека» с властью, репрессивную повседневность и его отношение к текущим событиям[33].

Начальным опытом применения научного подхода устной истории, в **Узбекистане** можно считать исследования профессора Х. Зияева в конце 50начале 60х годов прошлого столетия, когда он лично собрал воспоминания у оставшихся в живых участников мощного национально освободительного восстания 1916 г. в Туркестане[34].

Х. Зияев работал с респондентами в Ферганской долине, он записывал их данные (национальность, дату рождения), фотографировал респондента, и фиксировал воспоминания на бумаге. В результате было создано интересное собрание воспоминаний участников восстания, которые неоднократно использовались в исследованиях[35]. По мнению узбекского ученого, устная информация респондентов позволяла судить о том, что почти все участники восстания боролись за свободу. Населению пришлось столкнуться не только с колониальной властью, но и представителями местной администрации, которые помогали в составлении списков мобилизуемых.

Активная практика сбора устных свидетельств стало использоваться с обретением независимости Республики Узбекистан.

Специалистами Института истории АН Республики Узбекистан проводилось нарративное интервьюирование детей и других членов семьи участников антисоветских восстаний, репрессированных представителей узбекского дехканства, купцов, ремесленников, которые были депортированы на Украину, как социально опасные элементы[36].

Любопытный опыт работ по сбору, анализу и практическому использованию нарративных материалов в Государственном музее

---

[33] Жанбосинова А.С., Жириндинова К.Р., Жандыбаева С.С. Устная микроистория «Большого террора» (по материалам архивно-следственных дел репрессированных) // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). - С. 98–108.

[34] Сабиров А.Т. Устная история восстания 1916 г. в Ферганской долине//Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): коллективная монография. /ред.-сост.: Т.В. Котюкова.-М. Русский импульс, 2017. – С.481-485

[35] См.: Зияев Х. Участники восстания 1916 года в Ферганской долине. Ташкент. 1976.

[36] Зияев Х. Ўзбекистон мустақиллиги учун курашларнинг тарихи (История борьбы за независимость Узбекистана). - Т., 2001.

«Памяти жертв репрессий» при КМ РУз[37]. При этом, сотрудники Музея исходят из того, что архивы государства это память системы, которая сохранила крайне специфичный и отчужденный от конкретного человека память, а Государственный музей Памяти жертв репрессий, прежде всего институт социальной памяти и сумели сформировать интересный банк данный устных воспоминаний[38]. На основе глубинного интервью проводилась работа с представителями узбекской диаспоры в Турции, некогда бежавших от репрессий из Узбекистана в 19201930 е гг., интервьюирование родственников и учеников репрессированных ученых, живущих в Узбекистане, близких родственников бывших студентов германских вузов, отправленных учиться в 1920е гг. Интервьюирование органично сочеталось с исследованием анкетных данных и писем людей. Например, тщательно изучались специальные анкеты, которые заполнялись при поступлении на учебу в вузы Германии. Разработанные электронные версии на основе воспоминаний, интервьюирования, архивных материалов, видеоролики, сюжеты, раскрывающие печальные страницы периода репрессий, позволили посетителю осуществить более глубинное постижение истории народа, соприкасаясь с различными проявлениями ушедшей эпохи.

Исследования Марфуи Тохтаходжаевой – один из начальных примеров изучения «женской устной истории» Узбекистана[39].

В данном проекте участвовала команда исполнителей женщин профессионалов. Респонденты – женщины разного возраста и социального статуса, выступают в роли как участников событий, так и просто свидетелей. Они оценивают события, проводят констатацию фактов, рассказанными их близкими. Данный проект устных историй женщин дал многокрасочную мозаику жизни и приоткрыл те стороны, которые не лежат на поверхности, но позволяют поднять проблемы общества[40].

Близкой по аналогичной тематике работы в Узбекистане, провела профессор Индианского университета США Марианна Камп[41].

Заслуживает внимания опыт профессора К. Ражабова, исполь

---

[37] См.: Фонд видео и аудиоматериалов Государственного музея Памяти жертв репрессий при КМ Республики Узбекистан

[38] Прим. авт.: Автор с 2008 по 2010 годы работал в указанном музее, в качестве заместителя директора по науке и принимал личное участие в проектах музея по устной истории.

[39] Тохтаходжаева М., Абдураззакова Д., Кадырова А. Прошлое Узбекистана в устных рассказах женщин - свидетелей и современниц событий. - Т.: «Шарк», 2005. 133 с.; Тохтаходжаева М. XX век глазами женщин Узбекистана / собиратель первич. материала, авт. предисл., заключения, глоссария и примеч. Тохтаходжаева М.: Наталис М., 2008. -312 с.

[40] См.: Тохтаходжаева М., Абдураззакова Д., Кадырова А. Прошлое Узбекистана в устных рассказах женщин - свидетелей и современниц событий. - Т.: «Шарк», 2005. - 133 с.

[41] См.: Kamp M. The new Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity. And unveiling under communism.-Seattle-London: University of Washington Press, 2006.-332 p.

зовавшего устные воспоминания в исследованиях истории антисоветс кого, повстанческого движения в Средней Азии[42].

В настоящее время академическая наука Узбекистана также стала довольно осторожно, но обращать внимание на методы устной истории. Это стало результатом современных процессов в сфере методологии узбекистанской исторической науки, где расширение и изменение источниковой базы, а также методических подходов и инструментария исследований стали актуальными.

По мнению академика А. Аскарова «этот процесс непосредственно связан с включением отечественного исторического сообщества в международную научную среду и освоением тех методических и мето дологических разработок, которые уже были апробированы зарубеж ной исторической наукой, но к нам пришли с опозданием. Отставание сейчас преодолевается, о чем свидетельствует возросший интерес к технологиям устной истории»[43].

С целью институционализации работы по сбору и анализу устных воспоминаний Институт истории Академии наук Узбекистана в 2010 2011 гг. реализовал исследовательский проект «Устная история Узбекистана XX века, как метод и источник исторического исследования»[44].

С целью успешной реализации исследования был подготовлен совместный узбекскогерманский проект на тему «Вызовы времени и устная история» (развитие в Узбекистане новой исследовательской практики oral history – «устная история)»[45].

Проводилось полевые пилотажные исследования по изучению повседневной жизни советского периода Узбекистана (6080е годы XX века), в трех областях Ферганской долины. В Институте истории накапливается более 70 аудиоинтервью, значительная часть которых, к тому же, зафиксирована в фото и видеоформате, что послужило основой

[42] См.: Ражабов Қ. Мадаминбек. –Т.: Abu matbuot-konsalt, 2011. - 40 б.; Ражабов К. Шермуҳаммадбек. – Т.: Abu matbuot-konsalt, 2011. - 56 б.; Ражабов Қ., Ражабов Д. Ҳамро Полвон. –Т.: Abu matbuot-konsalt, 2011. - 44 б.; Ражабов Қ. Фарғона водийсидаги истиқлолчилик ҳаракати: моҳияти ва асосий ривожланиш босқичлари (1918 – 1924 йиллар). – Т.: Yangi nashr, 2015. – 240 б.; Он же. Вооруженное движение в Туркестане против советского режима (1918 – 1924). – Beau Bassin [Mauritius]: LAP LAMBERT Academis Publishing PU, 2018. – 224 с.; Ўзбекистон ССР раҳбариятининг ижтимоий ва сиёсий фаолияти (1945-1983 йиллар). Масъул муҳаррир ва лойиҳа раҳбари: Қ.Ражабов. –Т.: Фан, 2020.-320 б.; . Ражабов Қ. Туркистон Мухторияти вазирлари ҳамда Миллий Мажлис аъзолари ҳаёти ва тақдири. –Т.: “Bodomzor invest”. 2021. - 92 б.

[43] Аскаров А. Введение/Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сб.ст. Междун. Научн. конференции (1 ноября 2018 г., г. Ташкент). Ташкент: «Навруз», 2019. - С.9

[44] Прим. автора: Автор данной статьи участвовал в указанном проекте и дальнейшие материалы статьи основываются на личном исследовательском опыте.

[45] См.: Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности между представительством «Немецкой Ассоциации народный университетов (IIZ/DVV) и Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан за 2010 и 2011 гг.//Текущий архив Центра устной истории Института истории АН Республики Узбекистан

для архива Центра.

В результате, в Узбекистане появляется сообщество научных работников, преподавателей, студентов, музейных специалистов, всех интересующихся историей своего края, по делу сохранения народной памяти, о событиях, фактах, явлениях, которые составляют историческое прошлое страны, а также междисциплинарное взаимодействие, обмен методами и подходами, сформировавшимися в рамках разных научных областей.

Следующий этап работы - фокусировка на изучении социокультурной истории малых городов Узбекистана, чей уклад жизни постепенно исчезает в силу глобализации и миграции населения. В качестве объектов исследования выбираются сельские регионы древних исторических центров узбеков Бухара и Самарканд, проблемный экологический регион страны Каракалпакия.

Научнопрактическим результатом работы становится книга «Устная история в Узбекистане», которая включает публикации, посвященные теоретическим вопросам и результатам практических исследований по устной истории Узбекистана и зарубежный опыт oral history[46].

Полученный опыт устноисторических исследований свиде тельствует, что при использовании материалов устной истории требуется определенная осторожность. Личное восприятие человека субъективно, и факты могут быть искажены в силу политической, классовой, национальной и религиозной тенденциозности, слабой информированности и т.д. При этом, они дают богатый материал для исследований по исторической антропологии, микроистории, истории ментальностей, истории повседневности, истории частной жизни, исторической психологии и других направлений.

При содействии специалистов Центрального Государственного архива Узбекистана началось создание архива устноисторических источников, который открывает доступ исследователям и широкой общественности к зафиксированным индивидуальным воспоминаниям свидетелей важных исторических событий двадцатого века в Средней Азии, в наглядной и доступной форме.

Можно констатировать, что на сегодняшний день в регионе постепенно формируется сообщество историков, специализирующихся по устной истории, с определенными полевыми навыками и опытом аналитической работы.

В качестве метода исследования устная история получила признание и полную легитимацию в профессиональной научной

[46] Устная история в Узбекистане: Теория и практика. I Выпуск Ташкент. 2011.

корпорации Центральной Азии. В то же время, затруднительно говорить о какихлибо значительных успехах устной истории, как отдельного научного направления в рамках региональной историографии. Но как методологическое направление она имеет значительную перспективу в самых разных сферах исторического исследования.

Дискуссии внутри этого сообщества показывают, что назрела необходимость объединения усилий специалистов устной истории Центральной Азии по делу сохранения народной памяти о событиях, фактах, явлениях, которые составляют общее историческое прошлое наших стран.

Имеющийся, хотя и незначительный опыт устноисторических исследований засвидетельствовал необходимость продолжения работы в институциональном и сетевом компоненте с целью объединения интеллектуального потенциала отечественных представителей гуманитарных дисциплин, которые в своей практике применяют метод устной истории.

Это может способствовать:

расширению научного сотрудничества с зарубежными коллегами по развитию методологии устноисторических исследований;

подготовке учебных курсов, семинаров, факультативных занятий по истории, краеведению и другим гуманитарным дисциплинам, с применением методов устной истории;

созданию временных рабочих групп в составе ученых Академии наук и системы Минвуза, с привлечением студенчества и молодых специалистов, для проведения научно-исследовательских работ по устной истории;

созданию базы данных по устной истории и обмену информацией научного и организационного характера между специалистами в отрасли устно-исторических и смежных дисциплин;

осуществлению научной экспертизы и предоставлению консуль таций по устноисторической тематике;

организации циклов публичных лекций, научно-просветительской деятельности среди общественности наших стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев К От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009;
2. Аскаров А. Введение/Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурнообразовательные

технологии: сб.ст. Междун. Научн. конференции (1 ноября 2018 г., г. Ташкент). – Т.: «Навруз», 2019. С.912;
3. Вебб Б. Кооперативное движение в Великобритании. 2е изд. - М., 1918;
4. Вебб С., Вебб Б. История тредюнионизма. - М., 1922–1925. Вып. 1–5/;
5. Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика. Сб. статей– Бишкек: Фонд «СоросКыргызстан», 2001;
6. Гендерные истории Восточной Европы: Минск: ЕГУ. 2002;
7. Голоса уходящих поколений (анализ женских биографий). Алматы:«Центр гендерных исследований». 2002;
8. Грибанова Е.М., Чиликова Е.В. Сюжеты из жизни семей духовно интеллектуальной когорты Казахстана (публикация воспоминаний В. Полосухиной, Р. Ахметовой, Ф. Хайрутдиновой об Умит Джансугуровой)// Қазақстан мұрағаттары. 2016. №2 (38). С. 3441;
9. Григориади Т. Мой отец – Анастас Пантелеевич Левтеров /Сын Казахстана и Эллады: Спиридон Георгиевич Космериди. Сборник документов и материалов за 19422014 гг. Отв. ред. Г.С. Сарсенова. – Алматы: Print Éxpres, 2015;
10. Депортация народов в Казахстан в 19301950 гг.: общность истории (интервью с пострадавшими от депортаций в 193050 годы в Казахстане). Под общ ред.: Б. Ракишевой. – Астана, 2013;
11. Жанбосинова А.С., Жириндинова К.Р., Жандыбаева С.С. Устная микроистория «Большого террора» (по материалам архивно следственных дел репрессированных) // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 98–108;
12. Зияев Х. Участники восстания 1916 года в Ферганской долине. - Т., 1976;
13. Зияев Х. Ўзбекистон мустақилиги учун курашларнинг тарихи (История борьбы за независимость Узбекистана). - Т., 2001;
14. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Отв. ред. Г.С. Сарсенова. Сост.: О.С. Богданова, Е.М. Грибанова (отв.), Б.А. Жуматаева, В.Е. Печерских. Рецензент А.С. Саятова. - Алматы: Print Éxpres, 2015;
15. Кабилова Б., Халимова Н. Устные истории женщин Таджикистана. Душанбе: Матбуот, 2003;
16. Kamp M. The new Woman in Uzbekistan. Islam, Modernity. And unveiling under communism.SeattleLondon: University of Washington Press, 2006;
17. Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев (начало XX века). – Praha: Nostalgie, 2012;
18. Мишле Ж. Народ. — М.: «Наука», 1965;
19. Мишле Ж. История XIX в. / Под ред. М. Цебриковой. — СПб., (в 2х тт.).1883—1884;
20. МягкаяЛ. Жизнь каксудьба, или устные истории пожилых русскоязычных

женщин Таджикистана. – Душанбе: «Ифрон», 2003;
21. Невозможное возможно. Женские устные истории. Бишкек: 2005;
22. Ражабов Қ. Туркистон Мухторияти вазирлари ҳамда Миллий Мажлис аъзолари ҳаёти ва тақдири. –Т.: “Bodomzor invest”. 2021;
23. Ражабов Қ. Мадаминбек. –Т.: Abu matbuotkonsalt, 2011;
24. Ражабов Қ. Фарғона водийсидаги истиқлолчилик ҳаракати: моҳияти ва асосий ривожланиш босқичлари (1918 – 1924 йиллар). – Т.: Yangi nashr, 2015;
25. Ракишева Б.И., Мажитова А.Б., Ашкенова Г.Т., Емишева Г.Б. Международные исследования по методике «oral history»: Опыт Казахстана // Материалы X Международного Форума в рамках проекта «Память во имя будущего», посвященного Дню памяти жертв политических репрессий и голода. – НурСултан: «PrimaLux», 2019;
26. Сабиров А.Т. Устная история восстания 1916 г. в Ферганской долине// Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): коллективная монография. /ред.сост.: Т.В. Котюкова.М.: Русский импульс, 2017. – С.481485;
27. Сабиров А.Т. Инновационные подходы в изучении исторического наследия Центральной Азии: опыт устноисторических исследований//«Евразийское историческое наследие: грани истории – от истоков до современности». Сборник материалов международной научно практической конференции (20 ноября 2019 года) / Под редакцией Б.Г. Аягана – НурСултан. 2019. С.37-41;
28. Сабиров А.Т. Метод oral history в сохранении исторической памяти: Опыт Казахстана и Узбекистана // Материалы X Международного Форума в рамках проекта «Память во имя будущего», посвященного Дню памяти жертв политических репрессий и голода. – НурСултан: «PrimaLux», 2019. С.152157;
29. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: «Учитель», 2014;
30. Томпсон П. Устная история. Пер. с англ. - М.: Издво «Весь мир», 2003;
31. Тохтаходжаева М., Абдураззакова Д., Кадырова А. Прошлое Узбекистана в устных рассказах женщин свидетелей и современниц событий. Т.: «Шарқ», 2005. 133 с.; Тохтаходжаева М. XX век глазами женщин Узбекистана / Собиратель первич. материала, авт. предисл., заключения, глоссария и примеч. Тохтаходжаева. - М.: Наталис М., 2008;
32. Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. - Leipzig/Berlin, 1824;
33. Хазанабади А. Роль устной истории в сохранении локальной исторической

индивидуальности древних городов// Устная история (oral history): теория и практика: Материалы всерос. науч. семинара 25 26 сентября 2006 г./науч.ред. Щеглова Т.К. Барнаул: Издво БГПУ, 2007. С.159163;

34. Халимова Н. Война без документов. Воспоминания женщин Таджикистана о гражданской войне 1992–1997 годов // Женская устная история. Сборник статей. Ч. 2. Бишкек: 2005. — С. 326353;
35. Устная история в Узбекистане: Теория и практика. I Выпуск. - Т.: Институт истории АН РУз. 2011;
36. Ўзбекистон ССР раҳбариятининг ижтимоий ва сиёсий фаолияти (1945 1983 йиллар). Масъул муҳаррир ва лойиҳа раҳбари: Қ.Ражабов. –Т.: Фан, 2020;

Устноисторические исследования//. См.: Устноисторические исследования//. Электронный ресурс ;

Центр исследования и подготовки специалистов в сфере «Устной истории»// Электронный ресурс: https://kaznpu.kz/ru/963/page/ ;

Sabanci Universitesi// Электронный ресурс: https://www.sabanciuniv.edu/tr; http://www.sabanciuniv.edu.tr/sozlutarih/index.htm

ЭВОЛЮЦИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы и количественные индикаторы становления и развития экономического сотрудничества Узбекистана и Таджикистана в постсоветский период. Проведен компаративистский анализ трех этапов торгово-экономических отношений между странами; 1-й этап охватывает период с 1992 по 1997 гг., сопряжённый с гражданской войной в Таджикистане и характеризующийся как инерционный – относительное сохранение валовых показателей позднесоветской эпохи; 2-й этап вобрал в себя 1998 - 2016 гг. - «эпоха» нарастания межгосударственных противоречий и открытого взаимного отчуждения между республиками; и 3-й, начавшийся с конца 2016 г. - по настоящее время, качественно новый этап в межгосударственных торгово-экономических отношениях, отличающийся количественной динамикой, где практически были сглажены «острые углы» и преодолено противоречивое состояние практически во всех сферах межгосударственных отношений.

Шавкат Рахматуллаев

– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, учёный секретарь Института государства и права АН РУз..

Ключевые слова: *импорт, двусторонние отношения, основные этапы, торговля, сотрудничество, Таджикистан, Узбекистан, экономика, экспорт, этапы.*

Abstract.

The article examines the issues and quantitative indicators of the formation and development of economic cooperation between Uzbekistan and Tajikistan in the post-Soviet period. A comparative analysis of three stages of trade and economic relations between the countries is carried out; the 1st stage covers the period from 1992 to 1997, associated with the civil war in Tajikistan and characterized as inertial - relative preservation of gross indicators of the late Soviet era; the 2nd stage included 1998 - 2016 - the "era" of increasing interstate contradictions and open mutual alienation between the republics; and the 3rd, which began from the end of 2016 to the present, is a qualitatively new stage in interstate trade and economic relations, characterized by quantitative dynamics, where the "sharp corners" were practically smoothed out and the contradictory state was overcome in almost all areas of interstate relations.

Key words: *import, bilateral relations, main stages, trade, cooperation, Tajikistan, Uzbekistan, economy, export, stages.*

После распада СССР в силу объективных и субъективных причин, традиционные экономические связи между двумя республиками утратили характерные для советского периода обороты и значение. С одной стороны, разразившаяся гражданская война в Республике Таджикистан в начале 1990-х годов, по мнению таджикистанской исследовательницы Д.Ж. Фармоновой: «…навязанная народу деструктивными внешними и внутренними силами с целью изменения существующего государственного устройства, глубокий кризис в общественно-политической и социально-экономической жизни отбросили Таджикистан на десятилетия назад»[1].

С другой стороны, под влиянием переходного периода и разрыва традиционных связей на постсоветском пространстве в экономике двух стран стали преобладать негативные тенденции. Экономики республик практически утратили резистентную способность преодолевать острые кризисные явления в экономической, социально-демографической сфере, особенно проблемы, связанные со снижением уровня жизни населения и повышением уровня бедности. Особенно это проявилось

[1] Фармонова Д.Ж. Политическое, экономическое и культурное сотрудничество Республики Таджикистан с государствами Центральной Азии в период независимости: 1992-2007 гг. дисс. Авторреф... канд. ист. наук. – Хужанд, 2012.

на селе, учитывая, что доля сельского населения в общей численности превышала 60% и давала 80% прироста населения Узбекистана и Таджикистана.

В этих условиях одним из путей выхода из сложившейся ситуации в социально-экономической сфере Узбекистана стала возможность частично решить проблемы при помощи налаживания тесных двухсторонних торгово-экономических связей.

С дистанции времени необходимо отметить, что за прошедший период суверенного развития Узбекистана и Таджикистана двухсторонние торговые и экономические связи условно можно разделить на три периода.

Первый этап – охватывает период с 1992 по 1997 годы. По некоторым данным, невзирая на разразившуюся гражданскую войну в Республике Таджикистан, в этот период экономическое сотрудничество между двумя странами, как ни парадоксально, не прекращалось, и объёмы сотрудничества были достаточно солидными[2]. Уместно заметить, что сохранялась инерция взаимоторговых отношений, характерных для советского периода (например, поставки газа Узбекистаном не прекращались). Оживлённо функционировала железнодорожная сеть и автомобильная дорога, проходившая по Согдийской области и связывавшая узбекскую часть Ферганской долины с остальной частью Узбекистана.

При этом первые признаки формирования негативных тенденций между двумя странами также приходятся на данный этап. Так, с 1995 года отношения между Таджикистаном и Узбекистаном, по некоторым оценкам, стали входить в полосу нарастающего и открытого взаимного отчуждения. Этому послужило, то что за поставляемую нефть, нефтепродукты и газ Таджикистану руководство Узбекистана начало требовать более высокую - «справедливую» цену[3].

В целом, Правительство Узбекистана на деле поддержало Таджикистан и его народ в непростое для него время. Узбекистан выделял помощь соседней республике как в экономическом, так и в гуманитарном плане, и внёс весомый вклад в завершение Гражданской войны в Таджикистане мирным соглашением. Так, «в 1998 году Президент Таджикистана в одном из своих выступлений отметил, что в 90-е годы внутри страны разразился страшный голод, люди умирали в очередях за хлебом, в таких условиях Ислам Каримов и узбекский народ отправляли ежедневно несколько вертолетов с мукой для таджиков из Термеза в Куляб»[4].

[2] Товары из Узбекистана завоевывают таджикские рынки // https://cabar.asia/ru/tovary-iz-uzbekistana-zavoevyvayut-tadzhikskie-rynki/

[3] https://ru.wikipedia.org/wiki/

[4] Сардар Али. Противостояние Каримова и Рахмона: история конфликта // https://daryo.uz/

Второй – с 1998 по 2016 год - налаживание экономического сотрудничества между странами, начало развития экспортно-импортных операций. Вместе с тем, как отмечают эксперты, именно этому периоду характерно больше проблемных и напряжённых страниц, чем успехов в сотрудничестве. Далее они утверждают, что «из всех двусторонних отношений в регионе Центральной Азии узбекско-таджикские отношения до недавнего времени, пожалуй, являлись самыми напряженными и конфликтогенными»[5]. Это невзирая на то, что 4 января 1998 года по приглашению Президента Республики Узбекистан Ташкент с официальным визитом посетил Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. Данный визит придал значительный импульс процессу активизации таджикско-узбекских двусторонних отношений. Другим важным событием в истории таджикско-узбекских двусторонних, в том числе торгово-экономических отношений стал первый официальный визит Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Душанбе в июне 2000 года, когда между руководителями республик был подписан «Договор о вечной дружбе»[6].

В действительности 2000 год можно зафиксировать как кульминационный (учитывающий цифровой индикатор) в межгосударственных экономических отношениях за весь период первой четверти века (с 1992-по 2016 год) независимого становления и развития Узбекистана и Таджикистана. По данным таджикских и российских официальных медиаплатформ, показатель взаимной торговли в указанный год составил 500 млн долл. В дальнейшем наблюдается обвальное крушение показателей, которые в 2007 году сократились до $300 млн., и до 12 млн долл. в 2015 году[7].

Особую роль в нарастании негативных тенденций в двухсторонних отношениях сыграл проект строительства Рогунской гидроэлектростанции. Для Таджикистана этот проект стал жизненно важным вопросом не только с точки зрения достижения энергетической независимости с помощью производства электроэнергии, но и с точки зрения выхода на иностранный рынок с этим товаром. Строительство Рогунской ГЭС позволило бы Таджикистану полностью обеспечить себя электроэнергией, и даже экспортировать ее в страны ближнего

ru/2024/03/04/protivostoanie-karimova-i-rahmona-istoria-konflikta

[5] Мамадазимов А., Талипов Ф. Таджикистан и Узбекистан: перезагрузка отношений в региональной перспективе // https://caa-network.org/archives/12564

[6] Отношения Республики Таджикистан с Республикой Узбекистан // https://mfa.tj/ru/main/view/145/otnosheniya-tadzhikistana-s-uzbekistanom

[7] Рашид Гани Абдулло. Таджикско-узбекские отношения: характер и динамика // https://old.asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20161215/tadzhiksko-uzbekskie-otnosheniya-harakter-i-dinamika; Панфилова В. Ташкент и Душанбе начнут отношения с чистого листа // https://www.ng.ru/cis/2016-11-22/6_6865_blanklist.html

и дальнего зарубежья. Позиция Узбекистана обосновывалась тем, что реализация этого крупного проекта существенно изменит течение Амударьи и негативно повлияет на его ирригационные нужды. В конечном итоге вопрос о строительстве Рогунской ГЭС отразился и на других сферах взаимоотношений двух государств, где особую роль играла транспортная логистика.

В целом этот этап отличается небольшими объёмами взаимной торговли.

Из графика видно, что взаимный торговый оборот в 2000-2010 годах не превышал 300 миллионную отметку в долларовом эквиваленте.

Самое важное то, что объёмы взаимной торговли были низкими не только между Узбекистаном и Таджикистаном, это касалось и других республик Центральноазиатского региона. Имея большой потенциал и заинтересованность во взаимных хозяйственных отношениях, показатели экономического сотрудничества между пятью странами ЦА интенсивно снижались, особенно за 2010-2015 годы. Об этом свидетельствует нижеследующий график, составленный Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Организации Объединенных Наций, а также Европейским банком.

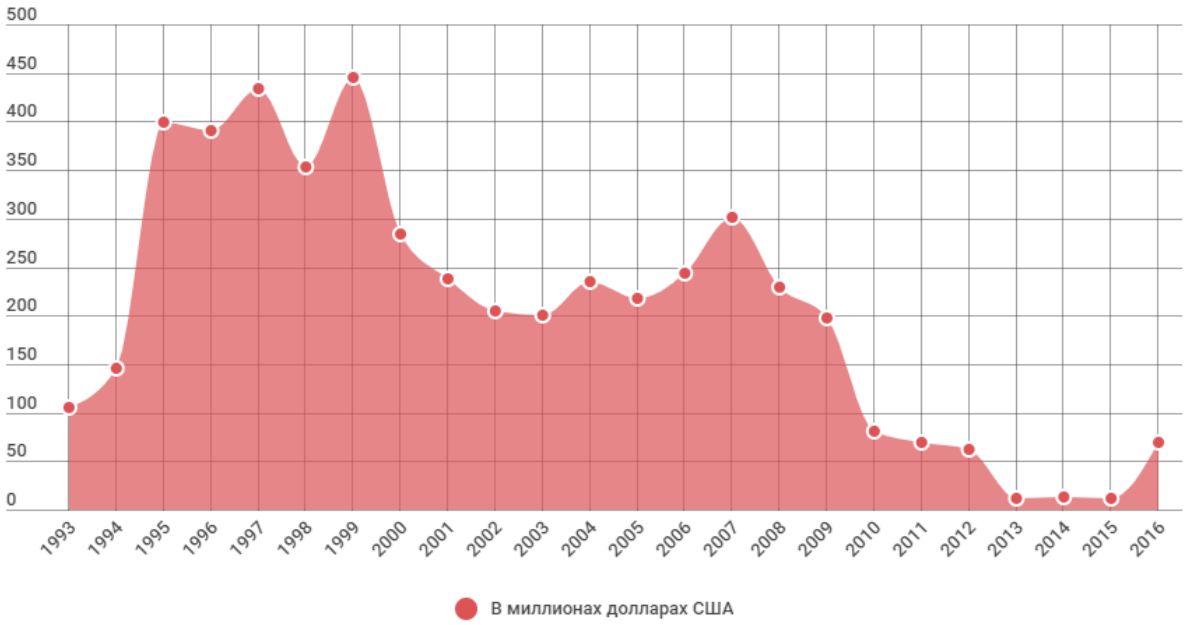
Однозначно можно утверждать, что отношения двух государств ещё долго оставались на низком уровне. Пик во взаимном торгово-экономическом сотрудничестве был достигнут, по одним оценкам в 2000 году, и он составил $500 млн., а концу второго этапа - в 2014-2015 годах были отмечены самые низкие показатели за все годы сотрудничества, и объём таджикско-узбекского товарооборота варьировал около $10 млн.

Характерные особенности объема товарооборота, экспорта и импорта между двумя странами можно наблюдать на нижеприведенных инфографиках.

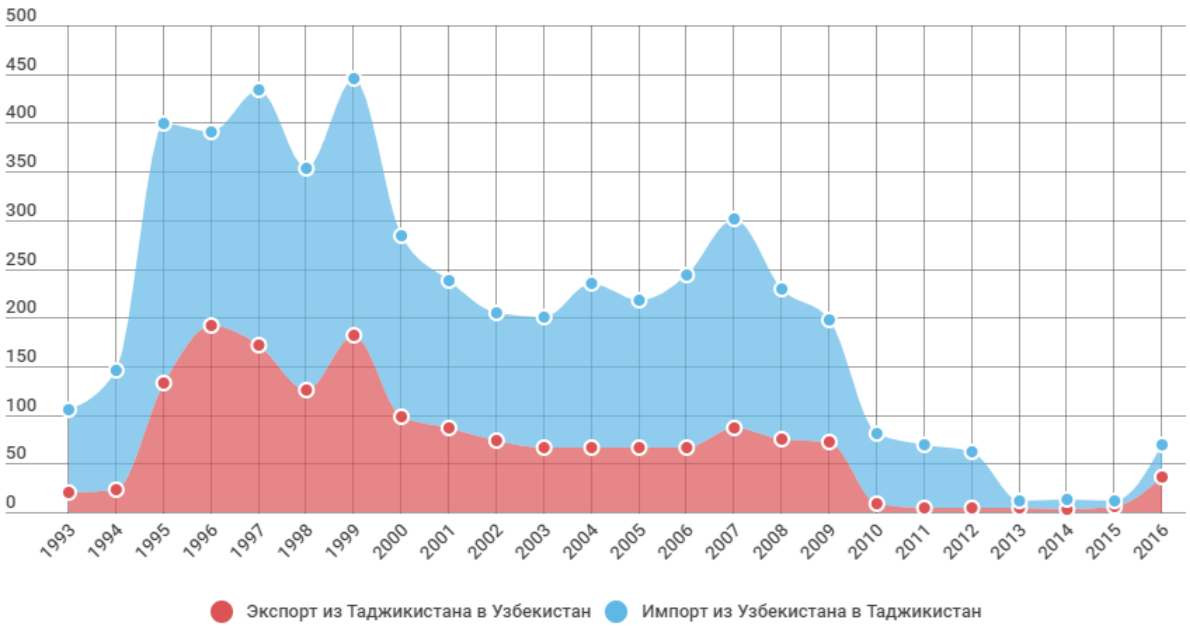
Динамика торговли между Таджикистаном и Узбекистаном с 1993 по 2016 годы[8]

Объем товарооборота

[8] Товары из Узбекистана завоевывают таджикские рынки // https://cabar.asia/ru/tovary-iz-uzbekistana-zavoevyvayut-tadzhikskie-rynki/

Экспорт импорт

Необходимо отметить, что показатели объёма товарооборота и экспортно-импортной деятельности, отражённые на инфографиках, могут быть относительными. Но ценность их в том, что в них реально отражены тенденции взаимного экономического сотрудничества.

Третий – современный этап узбекско-таджикского экономического сотрудничества начался с конца 2016 года. Можно утверждать, что данный этап двусторонних связей последовательно начал развиваться не только в торгово-экономической, но и в политической, инвестиционной, культурно-гуманитарной сферах. Возобновлено авиасообщение между Ташкентом и Душанбе, проведены заседания Межправительственной

комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, состоялись встречи по делимитации межгосударственной границы. Одним из важных достижений между двумя братскими народами было достижение в ходе визита Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева в марте 2018 года в Таджикистан отмены визового режима, введённого между странами еще в 2001 году. Это также положительно отразилось прежде всего на экономическом сотрудничестве двух стран.

После избрания Шавката Мирзиёева на должность Президента Узбекистана в конце 2016 года, торговые показатели между двумя странами начали интенсивно расти. Согласно данным Агентства статистики при Президенте Республики Таджикистан, если в 2015 году товарооборот между Таджикистаном и Узбекистаном составлял лишь $12 млн., то в 2016 году он вырос до $69,2 млн.[9], то есть в 5,8 раз.

Для активизации торгово-экономических отношений в апреле 2017 года в Душанбе впервые прошла Национальная выставка продукции Узбекистана. На ней более 160 компаний и свыше 400 предпринимателей нашей страны представили более 1,5 тысячи видов продукции, в том числе - новинки отечественной электротехники, фармацевтики, парфюмерии, кожевенно-обувной, химической, пищевой, текстильной промышленности, сельскохозяйственную технику, легковые и грузовые автомобили, автобусы, стройматериалы, лифты, бытовую технику, мебель и другие товары. Как писала таджикская пресса, по итогам четырёхдневной выставки и бизнес-форума предпринимателей двух стран было подписано около 20 документов. Выставка вызвала широкий резонанс среди населения республики, стала для многих таджикистанцев «настоящим сюрпризом»[10].

Ответная выставка состоялась в октябре 2017 года в Ташкенте. В ней приняли участие представители более 150 компаний и предприниматели Таджикистана, ведущие деятельность в таких сферах, как нефть и газ, строительство, транспорт, полезные ископаемые, фармакология, легкая, перерабатывающая и агропромышленность, здравоохранение, образование, наука и техника, туризм.

В результате принимаемых руководством двух государств конкретных мер по выведению торгово-экономических связей на новый уровень эти показатели последовательно растут. Так, в 2017 году объем товарооборота между нашими странами составил $236,8 млн., что на 20,2 процента больше показателей 2016 года. Узбекистан экспортирует в

[9] Товары из Узбекистана завоёвывают таджикские рынки // https://analytics.cabar.asia/ru/tovary-iz-uzbekistana-zavoevyvayut-tadzhikskie-rynki/

[10] Узбекистан – Таджикистан: новый этап торгово-экономического сотрудничества // http://uzkimyosanoat.uz/ru/press/news-uzbekistan/uzbekistan-tadzhikistan-novyy-etap-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva

Таджикистан в основном транспортные услуги, минеральные удобрения, продовольственную продукцию. В Узбекистане ведут деятельность 24 предприятия, организованные с участием таджикистанских деловых людей, а в Таджикистане – 9 предприятий с участием предпринимателей нашей страны[11].

Самым главным итогом исторического визита Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Ташкент стало решение урегулировать споры вокруг Рогунской ГЭС. Была достигнута договоренность начать совместное строительство на территории Таджикистана ГЭС на реке Зарафшан, где запланировано строительство двух электростанций суммарной мощностью 320 МВт, в основном за счет финансовых средств бюджета Узбекистана.

В ходе визита Президента Республики Узбекистан в марте 2018 года в Республику Таджикистан было принято совместное заявление руководителей двух стран, где главы государств обсудили ключевые вопросы современного состояния отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан, перспективы дальнейшего расширения и углубления двустороннего многопланового сотрудничества в политической, торгово-экономической, транспортно-коммуникационной, культурно-гуманитарной и других областях, а также актуальные региональные и международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

В данном историческом документе, состоящем из 18 пунктов, особое внимание было уделено экономическому сотрудничеству. Так, в пункте 5 документа отмечается, что «Президенты подчеркнули стратегический характер дальнейшего расширения взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан. Стороны с удовлетворением отметили наблюдающуюся положительную динамику во взаимной торговле и подчеркнули наличие значительного потенциала для диверсификации номенклатуры двустороннего товарооборота и доведения его объёмов до 500 млн. долл. в ближайшие годы»[12].

В результате плодотворных переговоров глав двух государств, а также прямого диалога между деловыми кругами, данный показатель было решено вывести на уровень 1 миллиарда долларов[13].

Так, в результате стабильного развития и стремительного роста

[11] Там же.

[12] Совместное заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона об укреплении дружбы и добрососедства // https://mfa.uz/ru/press/news/2018/03/14186/?print=Y

[13] https://gtn.uz/news/moi-gorod/uzbeksko-tadzhikskiy-tovarooborot-resheno-dovesti-do-urovnya-v-1-mlrd-dollarov?page=102&per-page=6

узбекско-таджикских торгово-экономических отношений к 2022 году Таджикистан вошел в топ-10 главных торгово-экономических партнёров Узбекистана. Объём двусторонней торговли с 2016 года ($196,8 млн.) по 2021 год ($605,5 млн.) вырос более чем в 3 раза[14]. По данным за 2023 год среди стран СНГ Таджикистан вошел в пятёрку основных экономических партнёров.

В целом руководство двух стран подтвердило важность дальнейшего расширения номенклатуры взаимной торговли, имеющийся большой потенциал для развития промышленной кооперации, создания совместных предприятий и торговых домов, активного развития внешнеторговой инфраструктуры и механизмов поддержки экспортно-импортных операций, а также проведения на взаимной основе бизнес-форумов и национальных выставок промышленной продукции, о поощрении и взаимной защите инвестиций и т.п.

Данные векторы внешнеэкономических отношений нашли свое подтверждение в рамках государственного, по сути, исторического визита Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева по приглашению Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона 18 апреля 2024 года.

В ходе этого визита, благодаря твердой политической воле и дальновидной, мудрой политике Президентов, многоплановое сотрудничество и дружеские связи обеих стран поднялись на новый уровень. Так, в рамках визита состоялось подписание исторического Договора о союзнических отношениях, что символизирует переход на качественно новый этап в узбекско-таджикских взаимосвязях. При этом, подписание данного Договора стало сигналом для повышения результативности контактов на всех уровнях в рамках реализации потенциала союзнических отношений.

На начало апреля 2024 года объем товарооборота за последние годы вырос в 40 раз. Количество совместных предприятий увеличилось в 15 раз. Только за прошедший 2023 год, по сравнению с 2022 годом, объем взаимной торговли между Узбекистаном и Таджикистаном увеличился на 11,8% и составил 756,8 млн. долл., в том числе - экспорт вырос на 15,9%, до 605,0 млн. Основными позициями экспорта Узбекистана в Таджикистан являются: промышленные товары – 153,7 млн., химическая продукция – 90,0 млн., топливо, смазочные масла и аналогичная продукция – 74,5 млн., продовольственные товары – 51,9 млн., машины и оборудование – 45,6 млн., готовые изделия – 35,6 млн., непродовольственное сырьё

[14] Начатый процесс взаимодополняемости экономик Узбекистана и Таджикистана стимулирует рост торгово-экономического сотрудничества // https://www.cer.uz/en/news/news/nacatyj-process-vzaimodopolnaemosti-ekonomik-uzbekistana-i-tadzikistana-stimuliruet-rost-torgovo-ekonomiceskogo-sotrudnicestva

– 5,6 млн., а также услуги – 111,8 млн. долларов США. Импорт из Таджикистана в Узбекистан представлен следующей продукцией: промышленные товары – 56,5 млн., непродовольственное сырье – 47,6 млн., топливо, смазочные масла и аналогичная продукция – 19,7 млн., продовольственные товары – 4,7 млн.; химическая продукция – 3,3 млн.; машины и оборудование – 3 млн., готовые изделия – 1,3 млн., а также услуги – 5,4 млн. долларов США[15].

Вышеприведенные положительные тренды в двусторонней торговле также подтверждает нижеследующая инфографика по показателям и структуре взаимной торговли Узбекистана с Таджикистаном за 2023 год, подготовленная Центром экономических исследований и реформ Узбекистана (ЦЭИР)[16].

Следует отметить, что Таджикистан одна из немногих стран, с которыми Республика Узбекистан имеет положительное сальдо в торговле. Как показано в инфографике, в 2023 году данный показатель в торговле с Таджикистаном составил $453,2 млн. В товарообороте Узбекистана с Таджикистаном 80% составлял экспорт Узбекистана и по его объёмам Таджикистан занимал 7-е место среди стран импортёров узбекской продукции. Доля Таджикистана во внешней торговле Узбекистана составила: в общем товарообороте – 1,2%, экспорте – 2,5% и импорте – 0,4%. В 2023 году по сравнению с 2022 годом объём взаимной торговли между Узбекистаном и Таджикистаном увеличился на 11,8% и составил $756,8 млн., в том числе экспорт вырос на 15,9% до $605,0 млн., импорт

[15] Хаитов А. Союзнические отношения Узбекистана и Таджикистана в интересах народов // https://uzlidep.uz/ru/news-of-party/15769

[16] Инфографика: Торговля Узбекистана с Таджикистаном за 2023 год // https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-s-tadjikistanom-za-2023-god

снизился на 1,8% до $151,8 млн[17].

По данным таджикских электронных ресурсов, в первой четверти 2024 года на территории Таджикистана и Узбекистана действовали почти 400 совместных предприятий. При этом более 300 предприятий с таджикским капиталом работали в Узбекистане[18].

На наш взгляд, подписание Договора о союзнических отношениях также накладывает особые обязательства на обе страны. Так, перед правительствами поставлена задача по доведению товарооборота до 2 миллиардов долларов, в том числе - за счёт расширения номенклатуры взаимных поставок, скорейшего запуска приграничных торговых зон.

В целом отметим, что государственный визит Президента Узбекистана в Таджикистан позволил предметно обсудить вопросы дальнейшего углубления узбекско-таджикских отношений стратегического партнерства и союзничества, прежде всего в политической, торгово-экономической, транспортно-коммуникационной, культурно-гуманитарной сферах. В ходе визита подписано 28 документов, охватывающих практически все направления многогранного узбекско-таджикского сотрудничества. Очерчены границы большого незадействованного потенциала и возможностей для дальнейшего развития полномасштабного сотрудничества. Здесь особая роль принадлежит повышению эффективности контактов на уровне парламентов двух стран. Это касается формирования благоприятных правовых условий для совместной реализации важных проектов в энергетике, электротехнике, металлургии, добывающей, текстильной, фармацевтической, агропромышленной и других отраслях, что послужит стимулированию развития глубокой промышленной кооперации[19].

В заключении необходимо отметить, что на первом этапе после распада СССР налаженная прежняя система торгово-экономических отношений, хоть и неслаженно, но продолжала, как бы по инерции, функционировать. В целом складывавшаяся собственная модель экономического развития на рубеже двух веков, обострила противоречия в сфере использования энергетических ресурсов региона. По мнению таджикского эксперта Рашида Абдулло Гани «пока проблемы политического свойства между руководством Таджикистан и Узбекистана не накопили некоего критического уровня, возникающие в сфере энергетики более или менее оперативно находили своё

[17] Инфографика: Торговля Узбекистана с Таджикистаном за 2023 год // https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-s-tadjikistanom-za-2023-god

[18] Торгово-экономические отношения Таджикистана и Узбекистана // https://tj.sputniknews.ru/20240418/torgovlay-ekonomika-tajikistan-uzbekistan-1062551023.html

[19] Хаитов А. Союзнические отношения Узбекистана и Таджикистана в интересах народов // https://uzlidep.uz/ru/news-of-party/15769

решение»[20]. Нарастание климатических проблем, а затем и политических противоречий, в последующем негативно отразилось на все сферах, в том числе на торгово-экономических и транспортно-логистических отношениях.

Политико-экономические реалии, сложившиеся к концу правления Первого Президента Узбекистана И. Каримова, связанные с формированием новых вызовов и угрозы стабильности и безопасности обоих государств, внесла в эти реалии свои коррективы и, начавшийся с конца 2016 года процесс изменения характера таджикско-узбекских отношений в том числе экономических, можно сказать, в одночасье трансформировался в положительную сторону и стал развиваться более быстрыми темпами. Положительная динамика изменений во всех сферах двусторонних отношений, заданная прежде всего, новым руководителем Узбекистана Президентом Шавкатом Мирзиёевым, адекватно отразилась на разрешении водно-энергетических, транспортно-коммуникационных и торгово-экономических проблем в двусторонних отношениях.

Тенденции, заданные в конце 2016 года и закреплённые в ходе государственных визитов, придали положительный импульс достигнутым результатам по двухстороннему экономическому сотрудничеству. Можно утверждать, что поставленные краткосрочные задачи по улучшению сотрудничества между странами практически выполнены. В долгосрочной перспективе расширения сотрудничества между Таджикистаном и Узбекистаном необходимо уделить внимание следующим приоритетным взаимовыгодным вопросам в сфере экономического сотрудничества: участие в строительстве Рогунского гидроузла; создание совместных производственных мощностей с привлечением инвестиций из Узбекистана; расширение сотрудничества в области туризма и т.д.

Таким образом, поэтапная реализация данных долгосрочных перспективных проектов, будет способствовать в ближайшем и отдалённом будущем достижению в двусторонних отношениях уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, прежде всего в экономике между Таджикистаном и Узбекистаном.

Использованная литература:

1. https://gtn.uz/news/moi-gorod/uzbeksko-tadzhikskiy-tovarooborot-resheno-dovesti-do-urovnya-v-1-mlrd-dollarov?page=102&per-page=6

[20] Рашид Гани Абдулло. Таджикско-узбекские отношения: характер и динамика // https://old.asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20161215/tadzhiksko-uzbekskie-otnosheniya-harakter-i-dinamika; Панфилова В. Ташкент и Душанбе начнут отношения с чистого листа // https://www.ng.ru/cis/2016-11-22/6_6865_blanklist.html

2. https://ru.wikipedia.org/wiki/
3. Инфографика: Торговля Узбекистана с Таджикистаном за 2023 год // https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-s-tadjikistanom-za-2023-god
4. Мамадазимов А., Талипов Ф. Таджикистан и Узбекистан: перезагрузка отношений в региональной перспективе // https://caa-network.org/archives/12564
5. Начатый процесс взаимодополняемости экономик Узбекистана и Таджикистана стимулирует рост торгово-экономического сотрудничества // https://www.cer.uz/en/news/news/nacatyj-process-vzaimodopolnaemosti-ekonomik-uzbekistana-i-tadzikistana-stimuliruet-rost-torgovo-ekonomiceskogo-sotrudnicestva
6. Отношения Республики Таджикистан с Республикой Узбекистан // https://mfa.tj/ru/main/view/145/otnosheniya-tadzhikistana-s-uzbekistanom
7. Рашид Гани Абдулло. Таджикско-узбекские отношения: характер и динамика // https://old.asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20161215/tadzhiksko-uzbekskie-otnosheniya-harakter-i-dinamika; Панфилова В. Ташкент и Душанбе начнут отношения с чистого листа // https://www.ng.ru/cis/2016-11-22/6_6865_blanklist.html
8. Панфилова В. Ташкент и Душанбе начнут отношения с чистого листа // https://www.ng.ru/cis/2016-11-22/6_6865_blanklist.html
9. Сардар Али. Противостояние Каримова и Рахмона: история конфликта // https://daryo.uz/ru/2024/03/04/protivostoanie-karimova-i-rahmona-istoria-konflikta
10. Совместное заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона об укреплении дружбы и добрососедства // https://mfa.uz/ru/press/news/2018/03/14186/?print=Y
11. Товары из Узбекистана завоёвывают таджикские рынки // https://analytics.cabar.asia/ru/tovary-iz-uzbekistana-zavoevyvayut-tadzhikskie-rynki/
12. Торгово-экономические отношения Таджикистана и Узбекистана // https://tj.sputniknews.ru/20240418/torgovlay-ekonomika-tajikistan-uzbekistan-1062551023.html
13. Узбекистан – Таджикистан: новый этап торгово-экономического сотрудничества // http://uzkimyosanoat.uz/ru/press/news-uzbekistan/uzbekistan-tadzhikistan-novyy-etap-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva
14. Фармонова Д.Ж. Политическое, экономическое и культурное сотрудничество Республики Таджикистан с государствами Центральной Азии в период независимости: 1992-2007 гг. дисс. Автореф... канд. ист. наук. – Хужанд, 2012. С. 12.
15. Хаитов А. Союзнические отношения Узбекистана и Таджикистана в интересах народов // https://uzlidep.uz/ru/news-of-party/15769

Янги китоблар / New books / Новые книги

О монографии академика Е.И. Пивовара «Пространство большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы» - СПб.: «Алетейя», 2022. – 468 с.

Сегодня региональная интеграция на фоне процессов глобализации является определяющей тенденцией в формиро вании современной геополитической картины мира. Такой вид интеграции получил развитие в форме образования и деятельности различных региональных интеграционных комплексов, участники которых связаны не только экономическими и политическими, но и социокультурными интересами.

Именно эти причины при сохраняющейся исторической взаимо зависимости и с учётом задач обеспечения устойчивого развития народов континента заставляют евроазиатские страны стремиться к активизации взаимодействия в различных областях, в том числе в сфере науки и образования.

Евразийская интеграция органично укладывается в глобальные тренды политического и социальноэкономического развития. Есть все основания полагать, что мир в ближайшие десятилетия будет эволюционировать в направлении не централизованного глобализма, а скорее в сторону полицентричной модели крупных региональных экономических союзов, в рамках которой динамично развивающиеся страны смогут консолидировать вокруг себя соответствующие регионы. Движение к этой модели, вероятно, будет сопровождаться кризисами и региональными конфликтами, в которые окажутся вовлечены многие страны. Тем не менее, интеграционные процессы в евразийском регионе набирают силу.

Вопрос об интеграционных процессах в пространстве Евразии всегда был актуальным. Несмотря на исторически весьма интенсивные торговые и политические контакты, страны региона всегда находились в отношениях конкуренции. Сейчас сложно говорить о существовании

ыи формировании общего политического или экономического евразийского пространства или евразийской идентичности. Даже евразийство, как идеология и течение политической философии имеет несколько конкурирующих интерпретаций, которые могут негативно восприниматься в некоторых евразийских странах, как оправдывающие экспансию более крупных государство этого региона.

Тем не менее в последнее время, уровень взаимозависимости стран Евразии существенно вырос, появились новые экономические и политические центры, увеличились потенциальные выгоды более глубокого взаимодействия, интеграционные проекты, а также стали заметны новые вызовы и проблемы, анализу которых и посвящена монография Е.И. Пивовара.

Е.И.Пивовар академик РАН, профессор, который более 40 лет своей жизни посвятил служению науке, став основоположником целого ряда научных школ и наставником для многих талантливых ученых и педагогов, в том числе и в Центральной Азии.

Он хорошо знает специфику нашего региона, его историю и культуру. Результаты его научных изысканий по данной проблематике стали основой для ряда опубликованных монографических исследований, посвященных непростым этапам развития различных интеграционных организаций и объединений в постсоветском пространстве и за его пределами.

Безусловно, стремительно меняющийся миропорядок требует продолжения исследований, подведения итогов интеграционных и дезинтеграционных процессов на евразийском пространстве за минув ший период, является востребованным для ученых. Это и предопределило подготовку и выход новой книги

Рецензируемая монография отражает широкий спектр научных исследований реального состояния дел и перспектив развития интеграционных процессов на евразийском пространстве. Автор, на мой взгляд, сделал удачную попытку комплексного анализа интеграционных процессов XXI столетия на пространстве Большой Евразии.

В монографии даются ответы на многие вопросы по интеграционным процессам, их характеру и современным тенденциям. Включены результаты исследований, проведённых в научноисследовательских, образовательных учреждениях, различных организациях стран региона Евразии.

Учитывая, что не все интеграционные усилия на пространстве евразийского региона получили неоспоримые результаты, а также явные нарастающие на протяжении всех десятилетий XXI века тенденции, автор на основе широкого круга источников и научной литературы

рассматривает основные Институты интеграции: СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси, «Кас пийская пятерка», ШОС; характеризует важнейшие направления экономического, социального, гуманитарного и военнополитического взаимодействия и сотрудничества государств региона Большой Евразии, рассматривает достижения, а также противоречия и трудности на пути поступательной интеграционной деятельности.

Е.И. Пивовар постарался тщательно проанализировать концептуальные основы и особенности развития международных интеграционных процессов на современном этапе; установить особенности взаимодействия основных акторов евразийской интеграции; проанализировать интеграционные и дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве; оценить перспективы дальнейшей институционализации и расширения интеграционного взаимодействия стран Евразии.

Структурно работа состоит из 4 разделов и 13 параграфов. В своей работе автор постепенно переходит от рассмотрения теоретических проблем к изучению ключевых вопросов интеграционных процессов в Евразии. Причем свои выкладки автор дает в исторической ретроспективе, так, по мнению автора, «активизация Российской Федерации на восточном направлении имеет уже свою историю». К тому же «интеграционные процессы на постсоветском пространстве, также как дезинтеграция Советского Союза на рубеже 80–90-х годов XX века, одна из важных тем гуманитарных исследований современности, притягивающая пристальное внимание политологов, экономистов, правоведов, международников, историков…»

Первый раздел автор посвятил важной для процесса евразийской интеграции теме политической трансформации и политической консолидации новых государственных образований на евразийском пространстве. Проанализированы особенности политических измене ний в странахучастницах евразийской интеграции. Охарактеризован процесс формирования новых политических и хозяйственных структур и элит. Сделан вывод, что вся разносторонняя деятельность региональных структур Евразии на протяжении более чем тридцатилетней истории свидетельствует о том, что международным организациям региона удалось найти свое уникальное место в развитии и укреплении многогранных связей стран Евразии и продолжить развитие интеграционных процессов.

Второй раздел посвящен анализу потенциала новой интеграционной модели регионального сотрудничества, каким является Союзное Государство России и Белоруссии, как проект углубленной интеграции

на постсоветском пространстве.

Дана оценка сложившейся уникальной интеграционной модели, характеристика этапам и достижениям интеграции, экономической повестки и торговоэкономическим, политическим проблемам и противоречиям Союзного государства.

Автор монографии приходит к интересному, хотя, на мой взгляд, спорному выводу, что «Системные меры по реализации интеграционного потенциала России и Беларуси, предпринимаемые в настоящее время руководством двух стран и институтами Союзного государства, по созданию единого финансового и энергетического рынка, унификации правовых и технологических норм в экономике, формированию общего гуманитарно-информационного и социального пространства создают дополнительные возможности для включения Союзного государства в процесс «интеграции интеграций» на пространстве Евразии»

В третьем разделе автор постарался проанализировать процесс превращения Евразийского экономического сообщества в Евразийский экономический союз, эффективного продвижения её участниками процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также реализации других целей и задач, связанных с углублением интеграции в экономической, гуманитарной и других сферах.

Предпринята попытка оценки состояния текущих интеграционных процессов в рамках данного Союза. Автор отмечает, что функционирование Евразийского экономического союза проходит в условиях серьезной трансформации мировой экономики. Страны вынуждены отвечать на глобальные экономические вызовы, поэтому создаются интеграционные объединения

Четвёртый раздел посвящен основным угрозам и вызовам современной безопасности государств Евразии-Автор проанализировал процесс формирования институтов региональной безопасности евра зийского пространства. Предпринял попытку анализа влияния проблем безопасности на внутриполитическую ситуацию в этих странах и интеграционные процессы в рамках региональных объединений на постсоветском пространстве.

Как известно, Центральноазиатский регион – часть евразийского пространства — это достаточно конфликтогенная зона, которая характеризуется различными очагами локальных и скрытых конфликт ных ситуаций. Одна часть конфликтов вызвана историческими и политическими условиями возникновения независимых государств Центральной Азии и связанными с ними проблемами социально экономического и этнотерриториального характера. Другие конфликты

появились в современный период в результате этнотеррито риальных и пограничных проблем, порожденных, в основном, в советское время и ввиду их нерешенности оказывают серьезное дестабилизирующее влияние в настоящее время.

В монографии автор дает прогноз по дальнейшему развитию указанных проблем и рекомендации по их решению.

В целом, монография и практически все её составные части отличаются логической последовательностью изложения, убедитель ностью аргументации в доказательство обоснованности выдвигаемых научных положений.

Рецензируемую работу отличают новизна и доказательность ряда идей.

Достоверность сформулированных выводов, положений и рекомен даций подтверждается теоретической и правовой аргументацией, базирующейся на анализе и критическом обобщении теории и практики исследуемой проблемы.

Результаты исследования, изложенные в монографии, расширяют объяснительный потенциал теории интеграционных процессов в Евразии, наполняют новым её методологическим содержанием, позволяют концептуально обеспечить реализацию дальнейших эмпирических исследований интеграционных процессов на пос-тсоветском пространстве.

Издание предназначено для научного и экспертного сообщества, может быть использовано докторантами, магистрантами, бакалаврами, обучающимися по гуманитарным направлениям, при подготовке диссертаций на соискание степени доктора философии (PhD), или доктора наук (Doctor of Science), по направлению история, политология, социология, международные отношения.

Алишер Сабиров доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» ТГПУ им. Низами

Muharrir: T. Bobomatov
Dizayner: A. Ergashov

Nashriyot tasdiqnomasi № _____
Bosishga 12.07.2024 da ruxsat etildi. Bichimi 60×84 1/8.
«Cambria» garniturasi. Ofset usulida bosildi.
Shartli b.t. 14. Nashr taboq 6.25 Adadi 100 nusxa.
____-raqamli buyurtma.

Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia